

Фаусто Грин

Ключевые
② ЧЕРВУ 18+

Фаусто Грин

Книжные Черви 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69191185

SelfPub; 2023

Аннотация

Продолжение истории о приключениях героев русской классической литературы в современном мире.

Содержание

Экстра. Ожерелье Сен-Жермена	4
Глава 15	28
Интерлюдия Базарова	41
Конец интерлюдии	65
Глава 16	66
Глава 17	87
Глава 18	99
Интерлюдия Чичикова	105
Конец интерлюдии	120
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Фаусто Грин

Книжные Черви 2

Экстра. Ожерелье Сен-Жермена

Императрица Екатерина II прогуливалась по дворцовому парку в окружении семи фрейлин. Стоял погожий весенний день, и лёгкий ветерок колыхал кружевные зонтики и подо-лы пышных юбок. Свернув на главную аллею, дамы замети-ли, что к ним быстрым шагом направляется обер-камергер. Приблизившись к императрице, он торопливо, но с должной церемонностью поклонился.

– Ваше императорское величество... – обер-камергер слегка запыхался от быстрой ходьбы, и голос его прерывал-ся, – он здесь. Граф прибыл и желает скорейшей аудиенции.

Мало кто из гостей мог заставить императрицу оставить все свои дела, отменить планы и принять его немедленно. Даже фавориты не пользовались такими привилегиями.

Но только не этот человек.

Когда Екатерина вернулась во дворец, она услышала ча-рующие звуки клавесина, которые манили её в один из за-лов. Войдя, императрица увидела группу придворных, окру-живших сидящего за инструментом музыканта. Его игра на-столько околдовала их, что появление государыни даже не

сразу заметили.

Играющий оставил саквояж, плащ и трость на ближайшем стуле. Вопреки требованиям моды, он не носил парика, а его длинные чёрные волосы были убраны в аккуратный хвост. Сюртук его, без особых изысков, чёрный с серебряной вышивкой. Полы сюртука украшали вышитые цветы чертополоха, а на серебряных пуговицах, если присмотреться, можно было увидеть рельеф, изображающий чашу. Возраст мужчины застыл между двадцатью и тридцатью годами. У музыканта были очень выразительные карие глаза, красивые скулы, тонкие губы. Нос напоминал клюв хищной птицы: длинный, прямой, заострённый. Движения его тонких рук завораживали.

Императрица не решилась прервать игру гостя. Она дождалась окончания пьесы и лишь тогда обратила на себя его внимание:

– Граф Сен-Жермен, каждый раз вы удивляете меня чем-то новым. Теперь, оказывается, вы не только политик, интриган и волшебник, но ещё и музыкант, – с мягкой, чуть насмешливой улыбкой заметила государыня.

Мужчина грациозно перекинул ноги через сиденье банкетки и оказался стоящим на одном колене перед Екатериной. Не колеблясь, он поцеловал её руку.

– О, поверьте, моя госпожа, музыка – это самая настоящая магия, – в тон ей ответил мужчина.

– Вы устали с дороги, граф? Я распорядилась, чтобы вам

выделили лучшие покои. Надолго ли вы к нам?

– Я ещё не решил, моя госпожа, – с поклоном проговорил гость.

Императрица кивнула. Сен-Жермен появлялся и исчезал всегда внезапно, практически не предупреждал о своих перемещениях и планах. И для него это было простительно.

Екатерина уже закончила вечерний туалет и готовилась ко сну, когда в двери её покоев постучали.

– Входи, – позвала правительница. Наедине они с Сен-Жерменом не соблюдали придворный церемониал, а императрица знала, что это мог быть только граф.

Сен-Жермен зашёл в комнату вместе со своим походным саквояжем.

– Но ты же не... – несколько обеспокоенно начала императрица.

– Нет, конечно, – успокоил её граф. – Пока нет. Но старые друзья должны отмечать встречу по-особому.

Сен-Жермен поставил саквояж на пол и извлёк из него пару оловянных кубков и бутылку вина. Императрица рассмеялась.

– Или вы, ваше императорское величество, – поддразнил её мужчина, откупоривая бутылку, – отказываетесь пить?

Вместо ответа женщина подошла к нему и, отобрав бутылку, отхлебнула прямо из горла. Граф вытаращил на неё глаза.

– Немного вольности, – очаровательно улыбнулась госу-

дарыня. – Не могу себе позволить?

– Вы императрица, вы всё можете, – покладисто кивнул Сен-Жермен. – Даже пить вино из горла в ночном белье с мужчиной посреди ночи. Вы устали. Я вижу это. Вы же не думали, что править такой огромной страной будет просто? Я предупреждал, ещё когда мы только задумывали всё это...

– Хватит, – отмахнулась Екатерина. Она не терпела нотаций. – Лучше расскажи мне, граф, откуда ты сейчас прибыл?

– Из разных мест, всё и не запомнить. Всё не перечислить... – рассеянно ответил Сен-Жермен.

Глаза графа блестели в свете свечей. Екатерина сделала ещё один глоток вина и шагнула к нему. Она пристально смотрела на мужчину, но граф оставался спокойным. Равнодушным.

– Какой же вы ребёнок, госпожа Екатерина, – с улыбкой покачал головой граф. – Всё ещё ребёнок. Судьба целой страны в руках ребёнка...

Молодая женщина опешила от такой наглости.

– Да как ты смеешь?! Я императрица! Ты должен мне подчиняться!

Граф засмеялся звонким холодным смехом.

– Только я сам себе и господин, и император. Давно пора это понять. Я пользуюсь тем, что мне предложит ваше величество, чтобы угодить вам, а не себе. Сам я проживу и без этого... Вы хотели, моя госпожа, чтобы я оказался в вашей постели. Хорошо.

В следующий момент он подхватил императрицу на руки и вместе с ней упал на кровать. Она заворожённо смотрела на ночного гостя.

– Ах, да. Я забыл, что вы оставили вино на полу, – вспомнил граф.

В следующий момент он улыбнулся, вскинул руку, и в его пальцах мгновенно оказалась та самая бутылка, которую Екатерина перед этим поставила на пол. Он глотнул вина и посмотрел на ошарашенную императрицу.

– Как... Вино... Как ты это... – ошеломлённо забормотала Екатерина.

– Как я это сделал? – На мгновение женщине показалось, что его глаза изменили цвет. – Видите, моя госпожа, вы и впрямь ребёнок. Такой фокус может вас заинтриговать больше, чем очередная любовная утеха. Я расскажу вам.

Императрица послушно кивнула и уселась на кровати. Сен-Жермен вновь отхлебнул вина.

– Для начала, дело в самом вине, – сказал он.

– Я заметила. Вкус особенный. Что это за сорт винограда?

– Это не виноград. Это растение называется атрея и растёт в тех краях, откуда я родом. Можно сказать, что это родственник винограда, и у меня на родине из атреи делают вино. Предвосхищая ваш вопрос, я не могу рассказать вам ничего про свою родину. Однако вещи из тех краёв я могу призвать в любой момент, и они появятся в моих руках, как эта бутылка вина. – Он протянул бутылку императрице, и она

глотнула, поставила сосуд на пол, и в следующий миг вино вновь появилось в руках Сен-Жермена.

– Это удивительно... – восхищённо пробормотала она.

– Такой уж я, – с лукавой улыбкой пожал плечами Сен-Жермен.

– А ты можешь научить меня этому? – жадно спросила императрица.

– Конечно, нет, – не переставая улыбаться, ответил граф.

– Даже если я прикажу отрубить тебе голову за неподчинение? – капризным тоном маленькой девочки уточнила Екатерина.

– Боюсь, что сразу после этого в руках моего обезглавленного тела появится моя голова.

– Поразительная дерзость!.. – восхитилась императрица. – Но расскажи ещё что-нибудь... О себе, о своей родине, о волшебстве... Я знаю тебя семь лет, но словно и не знаю...

Сен-Жермен задумчиво посмотрел на женщину, размышляя о чём-то своём, и вздохнул.

– О волшебстве... Зачем вам волшебство, государыня? Вы хотели власти, и вы получили её... Теперь вы хотите волшебства. Есть ли предел вашим желаниям?

– Нет, – ни секунды не колеблясь, ответила Екатерина.

– Мне нравится такой ответ.

Императрица сделала ещё несколько глотков.

– На самом деле, граф, ты же знаешь, что я много пишу, но всё это такое... неживое... Я не могу сделать свои рукописи

живыми... Я хочу, чтобы в них была душа. Но её нет.

– Душа... – Сен-Жермен откинулся на кровати. – Это нормально, что вы потеряли её, получив власть. Это закон мира. Людям свойственно терять то, что вы называете душой... Или не-людям... А не-людям свойственно очеловечиваться. Но при этом лично вы не потеряли ничего. Вас запомнят как великую правительницу, а не как великого писателя. Радуйтесь.

– Вы, видно, тоже пьянеете, граф... – захмелевшим голосом заметила Екатерина и опустилась на постель рядом с Сен-Жерменом.

– Вы ребёнок, моя дорогая. И всегда им будете. Позвольте, я расскажу вам сказку...

Императрица кивнула.

– Давным-давно в одном королевстве зацвела атаман-трава, или, как это по-вашему, чертополох...

Семь ночей Сен-Жермен приходил к Екатерине в покои, и семь бутылок вина с ней распил. Семь сказок рассказал он ей, и каждый раз она хотела записать хотя бы одну, но слабость от вина обуревала её, и она засыпала, держа графа за руку. А он растворялся туманом наутро, вместе с последней догорающей свечой.

Вечером восьмого дня во дворце устраивали бал-маскарад. На пышное празднество собралось множество знатных господ. Императрица решила разыграть подданных и обла-

чилась в мужской костюм. В маске и камзоле её было не узнать.

Граф появился посреди вечера, и появление его сопровождали яркие красочные фейерверки. Однако он и не думал скрывать свой облик. Явился он в дорожной одежде, с одной шкатулкой в руках.

Граф торопился. Он щёлкнул пальцами, и во всём дворце мгновенно погасли все свечи. Не говоря ни слова, он подошёл к невзрачному юноше и опустился на колено.

– Фелица, я тороплюсь, – быстро проговорил он. – Мой подарок тебе. Уж не знаю, когда теперь свидимся, но если тебе будет не хватать сказок, знай: все они в этой шкатулке. Открывай её лишь в самый трудный час.

– Граф, но как?.. Почему вы уезжаете так внезапно?.. Когда вы вернётесь? – взволнованно забормотала Екатерина.

– Не стану скрывать: я видел смерть на пороге своём. Я должен покинуть ваш дом, чтобы не навлечь её и на вас, моя госпожа.

Императрица посмотрела на Сен-Жермена и поняла, что граф не шутит и расспрашивать его бесполезно. Она приняла шкатулку.

Граф поклонился... и с красочным фейерверком исчез. Гости, конечно же, были в восторге от такого необычного исчезновения. Императрица Екатерина покинула зал. Вернувшись в свою опочивальню, она открыла шкатулку. На чёрной бархатной подушечке лежало ожерелье из белого жем-

чуга с огромным рубином, под которым пряталась застёжка с несколькими рубиновыми каплями.

Граф Сен-Жермен мчался на коне через лес. Луна освещала пустынный тракт. Огромная птица вспорхнула на ветку дерева. Мужчина сдержал коня. Он отъехал от Петербурга довольно далеко, и чем сильнее он отдалялся от города, тем спокойнее ему становилось.

Вдруг конь его встал на дыбы и заржал. Сен-Жермен дёрнул поводья, скакун попытался сделать шаг вперёд, но увяз в чём-то обеими ногами. Задние ноги подкосились, и конь рухнул вместе с всадником. Сен-Жермен ударился о землю. Когда он поднялся, то услышал хруст костей и лошадиное ржание, переходящее в вопль. Земля поглотила животное, как болото.

Граф скинул с себя плащ, который мгновенно превратился в посох.

– Нагнал, да? – тяжело дыша, спросил он пустоту.

Из-за дерева появилась чёрная тень. Граф Сен-Жермен начал очерчивать посохом круг вокруг себя. Лунный свет упал на лицо тени – белую маску с единственным огромным глазом, который светился жёлтым светом.

– Досадно.

Тень коснулась белой перчаткой своей маски, и глаз разделился на несколько десятков. Граф Сен-Жермен выставил посох вперёд и топнул ногой. Земля превратилась в зеркало.

В следующее мгновение он стукнул посохом о землю, и тот провалился в зазеркалье. Тень метнулась на зеркальную поверхность. Сен-Жермен щёлкнул пальцами и стал проваливаться в зазеркалье вслед за посохом, как вдруг тень схватила его за волосы. Граф взмахнул рукой по воздуху и провалился в зеркало. В руке Тени остался чёрный хвост. Чёрный Человек выругался.

Граф Сен-Жермен открыл глаза. Он лежал на полу в своём маленьком поместье на окраине Парижа. Граф встал, подошёл к зеркалу и посмотрел на своё отражение. Глаза приобрели родной фиолетовый оттенок, волосы стали отвратительно короткими. Применение магии в этом мире давало его обнаружить. Совсем без магии жить волшебник не привык, во всяком случае, в этом времени. Через пару сотен лет у людей здесь наконец-то появятся изобретения, облегчающие жизнь, но эту пару сотен лет нужно ещё подождать. Пока же господин Сен-Жермен достал белый напудренный парик, привёл себя в порядок и велел слугам подать коня. Сегодня, как он помнил, он должен был приехать в Париж и случайно встретиться с одним интересным юношей по имени Максимилиан. Граф Сен-Жермен, или тот, кого в некоторых мирах знают совсем под другим именем, улыбнулся недоброй улыбкой.

В тот вечер он прогуливался по набережной Сены, насла-

ждаясь очертаниями Нотр-Дама. Колесо истории вновь сделало полный оборот, и совсем скоро улицы этого города перестанут быть настолько притягательными. Но он будет наблюдать за этим до самого конца.

Сен-Жермен испытывал любопытство, смешанное с печалью, ведь он приблизительно знал, что произойдёт с людьми, небезразличными ему, но, безусловно, как они распорядятся своей жизнью, ему всегда было интересно. Всё, что он мог для них сделать, – это появиться в нужный момент и толкнуть их на ту самую дорогу, которая дарует настоящее бессмертие.

Сен-Жермен сидел на вершине холма возле мельницы и наблюдал, как под холмом происходит настоящее кровопролитие. Он безумно любил такие моменты, когда творилась история, когда те, кому было суждено, становились бессмертными, воплощая свою высшую функцию и предназначение.

– Я смотрю, не я один пришёл наслаждаться тем, как меняется ход времён, – усмехнулся Сен-Жермен.

Чёрная тень спрыгнула с лопасти мельницы.

– Верно. Скольких ты заставил страдать в этот раз? – спросил Черный Человек.

– Многих. Но ценой их жизней мир будет знать других. Сильные времена рождают сильных... Я, ты, многие другие, просто наблюдаем.

Сен-Жермен почесал голову и продолжил.

– Я вот не понимаю, как ты сюда попал. И чего тебе не сидится на той стороне.

– Видишь ли, я, в силу, м-м-м, так сказать, своего удивительного появления на свет, не разделяю особой любви к этим твоим особенным. У них нет магии, у них вообще ничего нет. Они ни в каком виде не должны проявлять свои магические способности. Мы с тобой знаем, что этот мир удивительно искажает магию.

– Да. Такие как я – единственные, кто может творить её здесь в том, первоначальном виде.

– Твоя самоуверенность меня раздражает, отец.

– Правда? Досадно. Даже не знаю, что больше раздражает меня: моя самоуверенность или то, что ты моё дитя.

Тень скривилась.

– Долго ты будешь меня преследовать? – спросил Сен-Жермен.

– Ты должен вернуться обратно. И я сделаю всё, чтобы ты спал и никогда не просыпался.

Сен-Жермен ловко извернулся и схватил Тень за шею. Глаза волшебника поменяли цвет. Жёлтый и фиолетовый.

– Ты что, думаешь, можешь спокойно угрожать мне?

Тень замигала в его руках, на лице её появилась белая маска.

– Великий Безликий, так ты себя называешь? Глупое нерождённое дитя! Я задушю тебя своими руками.

Тень вцепилась в Сен-Жермена и попыталась поцарапать его когтями. В этот самый момент прогремел выстрел. Сен-Жермен взвыл, схватился за своё лицо и повалился на землю. Несколько людей приближались к Тени, Сен-Жермен кричал и барахтался в луже собственной крови: пуля угодила ему прямоком в левый глаз. Ему нужно было немедленно переместиться отсюда, но рядом не было зеркальных поверхностей. Тень с удовольствием наблюдала за мучениями Сен-Жермена.

Граф из последних сил попытался сконцентрировать взгляд оставшегося глаза на отражении в луже крови, и ему удалось.

Великий Безликий выбрал удачное место для ловушки – без отражающих поверхностей, однако кровь Сен-Жермена сама по себе могла послужить зеркалом, чего Безликий не предусмотрел. Сен-Жермен провалился под землю. Чёрный Человек хмыкнул, после чего отправился вслед за другими людьми прочь с Монмартрского холма. Париж вновь был в огне. Париж вновь пил кровь тех, кто заслужил своё бессмертие.

А что касалось Сен-Жермена, ему нужно было время за-таиться.

Молодой человек стоял возле витрины магазина и с интересом разглядывал выставленных на ней кукол. Колокольчик над дверью дёрнулся. Из-за двери высунулся мужчина

с растрёпанными волосами цвета вороньего крыла, в смешном ночном колпаке и с чёрной повязкой на правом глазу.

– Доброе утро, – приветливо сказал он.

Юноша учтиво поклонился.

– Доброе утро, господин.

– Что привело вас к моей лавке в такую рань?

Юноша почесал затылок и стал переминыться с ноги на ногу.

– По правде говоря, я тут просто мимо проходил... Ваша лавка находится у этой красивой башни, и я заметил её первой. А потом увидел этих удивительных кукол, никогда таких не встречал... По правде сказать, я совсем недавно прибыл в Нюрнберг...

Мужчина смерил гостя взглядом, полным скепсиса.

– Голоден?

– Я. Ну. Это...

– Я дважды не предлагаю, – он махнул рукой, – пойдём, угощу тебя.

– С... спасибо господин.

Кукольная лавка внутри была удивительной. На полках стояло множество игрушек, в основном марионеток, и кукол. Мягких игрушек практически не было. В шкафу рядом с прилавком выстроилось большое количество оловянных солдатиков. Позади прилавка был проход в ещё одну комнату – кухню. Хозяин дома выложил на стол хлеб, сыр и фрукты, после чего заварил чай. Юноша с удивлением посмотрел

на него.

– Чай?

– Не люблю кофе. А пить пиво ещё слишком рано.

– Большое спасибо за угощение, господин. Я не ел ничего, кроме ягод, последние пару дней.

– Я знаю.

Молодой человек с подозрением посмотрел на мужчину.

– Откуда?

– Шучу.

– Меня зовут Теодор. А как ваше имя?

– Пожалуй ты, – это слово он выделил особенно, – можешь называть меня Калиостро.

– Очень приятно познакомиться, господин Калиостро. Интересно, а вы в родстве со знаменитым волшебником Алессандро?

– Нет, мы однофамильцы. Но кое-что из волшебства доступно и мне, – он кивнул на игрушки.

– Вы изготавливаете все эти игрушки?

– О, да. Периодически, когда не путешествую.

– Как здорово, господин Калиостро. Ваша лавка напоминает мне рассказы моей бабушки про то, что в моём родном городе было похожее место.

– И в каком же?

– Кёнигсберге.

– О, вполне возможно. Лавка с механическим волком... Да, точно.

– О, да! Но она закрылась много лет назад. Ещё до моего рождения.

– Дела совсем не шли, – отмахнулся мужчина, – и я переехал в Нюрнберг.

Теодор рассмеялся.

– Должно быть, вам около сотни лет, господин Калиостро, если вам верить.

– Больше, – волшебник демонстративно задумался.

– Конечно, господин Калиостро, я тоже очень люблю сказки. Даже пишу их. А сейчас, раз вам больше ста лет, вы превратитесь в крампуса, посадите меня в мешок и съедите?

– В крампуса? Нет. Поверь, Теодор, крампус и маленький мальчик действительно будут жить в этом доме, но лишь сто тридцать девять лет спустя. Да. Вроде, сто тридцать девять...

Теодор хихикнул и надломил ещё хлеба. Мужчина закутался в халат и уселся на край стола.

– Так значит, сказки пишешь. Разве ты не знаешь, что сказками на жизнь не заработать?

– Знаю, господин Калиостро. Но ничего другого я не умею.

– Прискорбно, – едко заметил хозяин лавки. – Не боишься, что однажды вдохновение покинет тебя?

– Боюсь. Но как покинет, так и вернётся.

– Забавный малый ты, Теодор. Возможно, при должном присмотре из тебя выйдет толк.

Из всех интересных людей, за кем наблюдал господин Сен-Жермен, Теодор Гофман занимал волшебника больше остальных. Кому-то было суждено править, кому-то, наоборот, свергать правителей, но Теодор выбрал путь сказочника. Он помнил, что управление словами и есть настоящая магия, и не отрёкся от своего пути. Виделись они с господином волшебником не часто. Сен-Жермен в образе Калиостро посещал его в самые тяжёлые моменты, и мало кто помнит, что кот, появившийся однажды в кабинете писателя и натолкнувший его на одно из самых знаменитых произведений, был найден и подарен тем самым таинственным мастером игрушек. Или тот мастер просто достал этого кота из своего чемодана, ссылаясь, что привёз его из своей далекой малой родины.

Так или иначе, после того подарка эти двое больше не виделись.

Словно вспомнив о том, что настало время забрать ещё один подарок, который не должен был принадлежать простым смертным, господин Сен-Жермен вновь сменил имя и выдвинулся в Российскую Империю.

Жемчужное ожерелье ходило из рук в руки несколько поколений и в итоге оказалось у какого-то графа, потомка одного из фаворитов Екатерины. Самого Сен-Жермена это мало волновало, он просто приехал в поместье. И в первый раз в этой своей жизни ему стало страшно.

Первое, что бросилось в глаза мужчине, – это табличка с надписью «Они вернутся», что висела на воротах. А второе, что он почувствовал сразу, что место это необычное, но дело было не в ожерелье, а в чём-то ещё.

В этот раз Сен-Жермен представился графом Вильгельмом Брюсом, потомком одного из знаменитых сподвижников Петра I, и явился в поместье Лутовиновых, дабы пообщаться с помещицей о покупке крепостных.

Крестьяне показались ему забитыми и измученными, но было в них и что-то ещё. Они словно принадлежали другому миру, тому, откуда был родом сам волшебник, но в то же время точно были людьми без каких-либо особых способностей.

В доме Вильгельма встретил огромный немой мужчина. Крепостной проводил гостя к хозяйке поместья. Та была скупа на разговор и интересовалась исключительно деньгами, демонстративно не предложив графу даже чашку чая. Вела она себя высокомерно и снисходительно.

Граф всю встречу пытался подавить в себе желание убить эту женщину на месте за её дерзость, но постарался быть более дипломатичным: ему нужно было остаться в доме и забрать ожерелье без лишних свидетелей, а дальше пусть хоть вся Москва ищет. Он уже будет на другом краю земли.

– А теперь прошу покинуть моё поместье, – неожиданно резко завершила разговор хозяйка. – Приезжайте в другой

раз, вы утомили меня.

– Прошу прощения, Варвара Петровна, но я хотел бы попросить возможности остаться у вас и передохнуть, пока мои лошади... – вежливо начал Вильгельм.

– Мне всё равно. В городе полно дешёвых гостиниц вам под стать. У меня тут не богадельня. Герасим... Ох, то есть, Андрей, выпроводи этого господина.

Эта оговорка насторожила волшебника.

Делать было нечего, он решил проникнуть в дом ночью, менее дипломатичным способом.

Пробраться в дом в ночи не составило труда: Сен-Жермен заметил в комнате, где его принимала хозяйка, зеркало, и, конечно же, вышел прямо из него. Оказавшись в доме, он сразу же направился в комнату, в которой чувствовал ожерелье. Почти сразу он почувствовал, что весь этот дом, все люди, пейзажи были фальшивыми, нереальными, ему не переставало казаться, что мир реальный здесь переплетался с миром выдуманым, словно он сам попал в чью-то книгу. Но оставаться тут долго Сен-Жермен не собирался. Он сосредоточился и представил украшение, которое появляется в его руке, и через долю секунды жемчужное ожерелье с рубинами тяжело плюхнулось в ладонь.

– Последний от твоей крови умер и ушёл в небытие, папочка, – раздался вдруг за спиной у графа знакомый голос.

Сен-Жермен резко повернулся. Великий Безликий стоял

напротив него. Чёрная тень приподняла цилиндр.

– Ну конечно, куда уж без тебя, – фальшиво улыбнулся волшебник. – Теодор вырос отличным писателем и прожил важную жизнь. Так сейчас растут многие другие и проживут свои жизни.

– Это ненадолго. Ты же не думаешь, что я позволю им просто так жить и творить.

– Ты – существо низшего порядка. Тебя никто спрашивать не будет, что ты там позволишь, – отмахнулся Сен-Жермен

В руках волшебника появился посох, единственный уцелевший глаз поменял цвет на фиолетовый.

– А как тебе это? – спросил Чёрный Человек, глядя на ожерелье.

– Безделушка. Забираю обратно.

– Не скажи. Оживлять с помощью неё книжных персонажей довольно забавно. А что будет, если оживить тех, чьи судьбы были полны горя и страдания? Думаешь, они не захотят поквитаться со своими создателями?

Сен-Жермен пожал плечами. Мир вновь показался ему фальшивым.

– Что ты здесь сделал?

– Ничего. Не препятствовал слиянию миров. Ты же понимаешь, что если ожерелье будет находиться там, где писатель творит, сила ожерелья соединит прототипы и героев, которыми они отразились в книге?

– Не думаю.

– «Муму» выйдет только через четыре года. Но обращение уже случилось.

Сен-Жермен понимал, о чём говорит Чёрный Человек. Это действительно было возможно. Человек под действием ожерелья мог бы стать лучшей версией себя, которой он оказался в чьей-то книге. Это ломало законы мира, даруя бесконечно долгую жизнь тому, с кем произошло подобное. Поэтому этот дом и все его обитатели сейчас стояли на границе реального и выдуманного. А так не должно было быть.

Сен-Жермен аккуратно развернулся на носках, поворачивая посох в руке по часовой стрелке. Стены дома задрожали. Звери и птицы из окрестных лесов, почувствовав эти колебания, ринулись прочь. Великий безликий замигал в разных частях коридора. Сен-Жермен неоднократно выругался о том, как он терпеть не может мира без магии, но для него, в целом, применение магии не было проблемой.

Неизвестно, сколько людей в ближайших городах и деревнях не проснулись после той ночи. Тела их словно высохли, как у стариков, а сердца рассыпались в песок. Чёрный Человек увидел это.

– А, то есть, угробить в одну секунду тысячи невиновных – это нормально?

– В полсекунды, – усмехнулся Сен-Жермен.

Доски под ним треснули, и оттуда вырвался столп чёрного пламени, дом загорелся, как бумага, в считанные мгновения.

Чёрный Человек переместился в сторону. С улицы уже

доносились крики, что в доме пожар. Сен-Жермен управлял пламенем рукой, в которой держал ожерелье, другой, с посохом, то и дело рассекал воздух, разрубая перед собой пространство и мешая Чёрному Человеку переместиться. Чёрный Человек, не уступая в скорости, уворачивался от взмахов. И дураку было понятно, что каждое магическое действие сейчас уносит жизни тысяч людей. Нужно было остановить Сен-Жермена.

На улице творилось что-то чудовищное. Все, кто находился внутри поместья, падали замертво, оживали и падали замертво вновь. Они действительно были в пограничном состоянии.

Чёрный Человек переместился на потолок. Сен-Жермен решил, что пора заканчивать, и отступил к зеркалу, в которое собирался уйти, но неожиданно для себя стукнулся о поверхность. Чёрное пламя тоже потухло. Это заметил и Чёрный Человек, который тоже был удивлён, что магия пропала. На шум по лестнице вбежал Андрей с топором, из комнаты с другой стороны коридора вышла Варвара Петровна.

– Я пытался его остановить, но он украл твоё ожерелье! – крикнул Чёрный Человек.

– Андрей, помоги господину Тени, убей того вора! – властно приказала барыня.

Сен-Жермен, который никак не мог опомниться от того, что магия не работает, ринулся вперёд на Чёрного Человека, ломая свой посох напополам. Одна часть посоха оказалась

на полу, а другую граф воткнул прямо в горло Чёрному Человеку. Безликий отшатнулся. Чёрная слизь хлынула из его шеи. Но Андрей со всей силы швырнул топор в нападавшего. Железо прочно вошло в тело Сен-Жермена, рассекая грудь, ломая рёбра. Он с воплем упал на пол, выдирая из себя топор. В этот самый момент Варвара Петровна опрокинула на него подсвечник, а Чёрный Человек схватил обломок посоха и вонзил в ногу графа Тот метался и кричал, объятый безумием. Плохо различая что-либо на своём пути, он бросился вперёд, оттолкнув Варвару Петровну. Женщина стукнулась головой о стену и тут же обмякла.

Сен-Жермен выпрыгнул в окно. Стукнулся о землю, обронив ожерелье. Опомился, схватил украшение. Пополз. Прочь из этого места. Казалось, чем дальше от дома, тем лучше он чувствует магию.

Чёрный Человек, разлившись маленьким смоляным ручейком, двинулся за волшебником. Нельзя было оставлять его в живых.

Волшебник почти дополз до ворот, когда почувствовал, как сильные руки схватили его и подняли высоко над землёй. Доля секунды в воздухе. Удар.

Единственным своим глазом Сен-Жермен видел торчащие из его тела штыри кованой ограды, а рядом того огромного мужчину. И поодаль – Чёрного Человека, который еле ковылял, но тянул к Сен-Жермену руку. Его человеческое тело было разрушено.

Граф смотрел в тёмное небо, не выпуская из рук ожерелья. Белоснежные жемчужины омылись тёмно-бордовой, почти чёрной кровью.

– Безделуш-ш-ш-ка, говориш-ш-шь, – прошипел Чёрный Человек. – Вещь из изначального мира, способная призвать в мир без магии любое существо, о котором когда-либо напишут. Если она делает такое, она вполне способна порвать заслон.

– Порвёшь здесь только ты свою задницу, пытаясь его собрать, – усмехнулся Сен-Жермен.

В следующую секунду маленькая фиолетовая вспышка сверкнула в руке волшебника. А после одна маленькая жемчужина выпала из его руки.

Чёрный Человек закричал. Последним заклинанием перед отходом в мир иной Сен-Жермен разорвал нить, скрепляющую ожерелье, применив к нему тут же заклинание случайной телепортации. И только самому колдуну было известно, куда разлетелись жемчужины...

Глава 15

Дверь подъезда с грохотом распахнулась, перебудив половину дома. На улицу выскочила девушка лет восемнадцати в мешковатой мальчишеской одежде, которая совсем не сочеталась с её красивым лицом и длинными розовыми волосами, заплетёнными во французскую косу. Она на ходу нацепила наушники, из которых заботливый Валерий Кипелов напевал «Уходи и не возвращайся», и двинулась прочь от дома, по пути быстро закуривая. Зазвонил телефон, мешая дослушать композицию. Пришлось ответить.

– Что?! – рявкнула в трубку девушка, даже не потрудившись взглянуть на экран, чтобы узнать, кто именно ей звонит. Впрочем, собеседник полностью проигнорировал столь нелюбезное начало, оставшись раздражающе спокойным.

– Княжна, это я. У нас меняются планы, ты должна приехать в поместье как можно скорее.

– Мне плевать, что я там должна! У меня нет времени на вас, – огрызнулась девушка.

– Княжна, где ты сейчас? – Голос в трубке из просто спокойного стал мягким и проникновенным.

– Я не приеду, – почти плакала девушка.

– Милая, я понимаю, что ты нашла очередного козла, хоть мы предупреждали тебя. Но это неважно. Просто приезжай. Кстати, надеюсь, ты его не?..

– Нет. У меня есть другой план, что сделать с ним и его новой сукой... – Девушка выбросила сигарету и всхлипнула. – У меня нет денег на такси сейчас. А по состоянию здоровья я не выдержу магические перемещения.

– Где ты?

– На Савёловской.

– Подожди, за тобой сейчас подъедет Инквизитор, я ему позвоню. Сбрось свои координаты.

– Почему не Элен или Аня? – попыталась возмутиться девушка. – Я меньше всего хочу сейчас видеть какого-нибудь мужика рядом с собой.

– Потерпишь, – всё так же ровно, но вместе с тем безапелляционно ответили ей.

Павел Кирсанов положил трубку.

Княжна села на лавочку и вновь закурила. Иногда ей казалось, что она проклята: все мужчины после Печорина только играли с ней. Вот и теперь, практически перед самым Новым годом, она осталась одна, потому что внезапно выяснилось, что очередной её возлюбленный встречается с другой. При этом самой Мери он пудрил мозги добрые полгода.

Княжна докурила и уже собралась уходить, когда во двор въехал синий форд. Из него вышел элегантно одетый молодой мужчина и стал оглядываться по сторонам. Мери подошла к машине, недовольно разглядывая новоприбывшего.

– Ты – Инквизитор? – хмуро спросила она.

Мужчина пригладил свои чёрные волосы и добродушно

улыбнулся.

– Не замёрзла? Садись, включу обогреватель.

Пререкаться было глупо, и Мери плюхнулась на заднее сиденье, демонстративно хлопнув дверью.

На фоне этого лощёного типа девушка чувствовала себя несуразной. От него так и веяло элегантностью и безупречностью. А она? За все эти годы, прошедшие после призыва, она забыла всё о прежних манерах и о себе самой. Этому времени и миру не нужны были слабые кроткие девушки, не нужны были манеры, образование. Мери несколько лет уничтожала в себе всё от старой себя.

...Машина летела по ночному городу, огоньки за окном складывались в причудливые узоры. Разговаривать с «коллегой» девушке не хотелось, и он это чувствовал. Включил магнитолау. Громкие аккорды разрушили ночную тишину. Приятный мужской голос запел что-то на французском. Что-что, а французский Мери ещё помнила.

C'est le bien qui fait mal

Quand tu aime

Tout fait normal

Ta haine.

Добро причиняет боль,

Когда ты любишь.

Твоя ненависть

Совершенно нормальна.

– Когда любишь, ненависть нормальна... – пробормотала девушка себе под нос.

– Что? – Мужчина скользнул по ней заинтересованным взглядом.

– Текст послушала, – буркнула девушка. Она уже жалела, что напредила о себе.

– Юная леди знает языки? – Не унимался лощёный.

– Конечно, знаю, – оскорбилась Княжна. – Я же не деревенщина какая-нибудь!

– Я не хотел вас оскорбить, – учтиво проговорил Инквизитор. – Знание языков даёт нам свободу. Ну и деньги тоже дают эту самую свободу.

– Жду не дождусь, когда Барыня начнёт платить нам за работу... – Голос Княжны так и сочился сарказмом.

Иван Карамазов улыбнулся и посмотрел на девушку в зеркало заднего вида. Что-то в ней было необычное, особенное, что-то по-настоящему очень-очень злое. Настоящее украшение.

Когда Ангелы Невы приезжали в Москву, квартира Маргариты оживала. Питерская команда практически в полном составе селилась в просторном жилище Ведьмы, на удивление не вызывая у привыкшей к одиночеству женщины никаких возражений. У Марго было только одно правило: гости

пользуются исключительно гостевыми ванной и туалетом. В вопросах гигиены Маргарита была довольно-таки брезгливой.

Единственным, кто никогда не жил в квартире Маргариты, был Базаров. Он предпочитал селиться у Тёркина или Бендера. Все в команде видели некое напряжение между Маргаритой и доктором, но не подавали виду. Сейчас было не до выяснения отношений.

Онегин и Мэл пробыли в больнице три дня. Когда они попали туда, Ведьме и Малышу потребовалось немало усилий, чтобы объяснить врачам их ранения и избежать привлечения к делу полиции. Остапа с переломом выписали из больницы под самый Новый год, а вот Печорину повезло меньше. Хоть герой нашего времени и оправился от кратковременной комы, многочисленные переломы давали о себе знать, не говоря уже о том, что шею теперь украшал чудовищный шрам. И как Григорий не пытался вырваться из больницы, к его сожалению, до конца новогодних каникул он должен был оставаться под присмотром врачей. Вечером тридцать первого декабря новые друзья любезно привезли ему ноутбук с множеством сериалов и игр. Так себе компания, но выбора не было.

В остальном почти весь состав Книжных червей встречали Новый год дома у Маргариты.

Кроме Тёркина, за последнее время чудовищно уставшего от всех. Солдат встречал этот праздник один. Собственно,

он даже забыл его встретить, просто посмотрел в какой-то момент на часы и понял, что время, неумолимо идущее вперёд, уже оставило старый год позади.

За окном тихо падал снег. «Джек Дениелс», этот импортный напиток, оказался невкусным. Уж точно хуже водки. Но Тёркин потягивал его и смотрел в окно.

Им овладели спокойствие и ощущение себя настоящим. В этот момент. Здесь и сейчас.

Квартира Маргариты, наоборот, гудела. У женщины редко выдавались выходные дни, и этот Новый год был как раз таким. Никаких дежурств, никаких скучных коллег. Сама Ведьма очень любила, когда приезжали Чичиков и Раскольников. Эти двое не потеряли своего оптимизма, а в компании с Бендером так и вообще превращали всё в шоу-балаган. Ещё Марго очень любила подшучивать над Чацким, он казался ей младшим братом, которого у неё никогда не было.

Половину вечера, как и полагается, готовили еду, остаток ночи пытались всё это съесть. В какой-то момент Чичиков закатил форменную истерику из-за того, что Марго решила приготовить всеми любимый оливье, не используя перепелиные яйца и не добавляя туда оленину и рябчиков. Кухарка самого Павла готовила именно так. Тогда Маргарита покладисто уступила готовку мужчине, который изрядно всех удивил, отыскав в каком-то из ближайших супермаркетов и рябчиков, и оленину. О том, сколько денег он при этом по-

тратил, он промолчал, но новогодний стол Книжных червей и впрямь ломился от яств. В готовке не принимали участие двое: Евгений Онегин и Евгений Базаров. Док уткнулся в телевизор в дальней комнате, а Стрелок не находил себе места в этой квартире.

– Так и будешь весь вечер сидеть с унылой рожей? – скептически спросил у Онегина Базаров.

Стрелок от такой наглости аж поперхнулся. До этого с Базаровым они практически не пересекались. Чацкий, Чичиков и Раскольников были дружелюбными и общительными, Базаров же пропадал то на кухне, то на балконе, уткнувшись в экран смартфона. Онегин не очень хотел идти на контакт с подобным человеком.

По правде говоря, он сейчас вообще мало с кем хотел идти на контакт. Иван уехал встречать Новый год куда-то за границу, с Мэл после всего случившегося они серьёзно так и не поговорили. Остаться наедине со своей болью Евгений не хотел.

Он не представлял, что ему делать. Его лучший друг был жив. Однако тот человек, который стрелял в него... в нём не осталось совершенно ничего от того романтического восторженного мальчишки, которого Онегин встретил в деревне.

И это была вина Евгения.

– Я спрашиваю, ты так и будешь сидеть с унылой рожей? – Базаров отхлебнул вина.

– А что, прикажешь мне веселиться после всего случившегося? – возмутился Онегин.

– А что тебе мешает? – ухмыльнулся Базаров.

Онегин на несколько секунд потерял дар речи.

– Ты не понимаешь?! Моя подруга чуть не погибла, а лучший друг оказался жив!.. И он пытался убить нас! Он почти это сделал!

– А ты сделал. «Если мне память не изменяет», – совершенно буднично произнёс Док. – Ну, был друг. Ну, нет друга.

Евгений вскочил. В этот самый момент в комнату вошла Маргарита.

– Смотрю, вы неплохо поладили. Пойдёмте к столу, там уже куранты скоро бить будут...

Мэл и Виолетта встретили Новый год, валяясь в кровати, смотря мультики и поедая салаты. Виолетта по-тихому даже протащила бутылку вина, и сейчас юные девы тщетно пытались её вскрыть, сломав в процессе два штопора. Однако Виолетта не унималась: теперь она решила просто расковыривать пробку, пока не польётся вино. Вино предательски цедилось по несколько капель. Мэл недовольно пыхтела.

– Слушай, мы так и будем валяться всю ночь? Может, сходим куда-нибудь? – Виолетта попыталась глотнуть нацеженного вина, но тут же принялась отплёвываться: вино было пополам с пробочной трухой.

– Да, можно, – кивнула Мэл. – У меня есть друзья одни, то

есть, они больше Женины друзья, но я могу им позвонить, завалимся к ним.

– Во! Давай! Давай! – воодушевилась Ви.

Дверь открыл Саша. На миг Мэл показалось, что она ошиблась дверью, но тут девочка заметила в прихожей Тёркина, который тоже только что пришёл, и всё встало на свои места. Чацкий посмотрел на девушек, кивнул им и скрылся в комнате.

– Я не одна, привет! – помахала рукой Мэл.

– Привет! – Вася расплылся в улыбке. – Как ты себя чувствуешь?

– Уже лучше. Это моя подруга Виолетта.

– Приятно познакомиться, будьте, как дома, юные леди, хоть это и не мой дом.

Девочки заулыбались.

Теперь у праздничного стола собралась практически вся компания. Виолетта буднично села за стол и начала знакомиться с другими гостями. Роскошная квартира Марго её ничуть не удивляла.

Рабочие разговоры при девочках Черви, естественно, вести не стали.

Когда Онегин вошёл в комнату, они с Мэл несколько секунд стояли друг напротив друга, не зная, что сказать, но тут вмешалась Виолетта.

– О, педобир, привет! Ну и встряли вы с Мэл, вот тоже

умудрились в аварию попасть! Ты цел?

– Да. – Женя расплылся в кислой улыбке, потому что обзывательства Виолетты уже начинали его подбешивать.

– Вот и отлично!

Пока Онегин вступил с Ви в перебранку и открытое противостояние за салат, Мэл сбежала на кухню, где курил Чацкий. Не так она представляла себе этого героя. Он казался просто её сверстником, а не аристократом из XIX века.

Чацкий поднял на неё глаза.

– Хороший цвет, – похвалил он.

– О, спасибо, – тряхнула фиолетовыми волосами Мэл.

– Ты уже бывала у Марго?

– Пару раз.

Мэл подошла к Саше, думая, как продолжить разговор, и начала с того, чего сама от себя не ожидала.

– А можно сигаретку?

– Да, конечно. А тебе не рано?

– Мне уже пятнадцать! – возмутилась девочка.

– Ну да, детей рожать уже можно, курить, значит, тоже, – рассудил Александр. По его тону непонятно было, шутит он или серьёзен, однако сигарету Мэл дал.

Мэл прислонила фильтр к губам, подожгла сигарету, которая сама разгораться не стала. Тогда девочка попыталась затянуться. Дым наполнил её рот, однако вдыхать его девочка не решилась, а только поморщилась, но сделала следующую затяжку.

– Ты первый раз куришь? – прозорливо поинтересовался Чацкий.

– Ну да, – девушка не стала отрицать очевидный факт.

– А зачем? – с простодушным видом продолжал допрашивать парень.

– Захотела, – огрызнулась она.

В кухню вошел Базаров с грязными тарелками. Он недовольно сморщился, поставил тарелки в раковину и пошёл открывать форточку и включать вытяжку.

– Твою ж мать, Саша!.. Тут топор можно вешать!

– Что ты бурчишь весь вечер сегодня? – ничуть не обиделся Чацкий. Кажется, его хорошее настроение сегодня было неистребимо.

– Да потому что вы все ведёте себя как конченные кретины! Нам нужно обсудить дела, а вы предпочитаете пьянствовать. Вы не думаете, что Барыня и компания могут напасть в любой момент?

– Женя совсем не умеет расслабляться, он если не на смене 31-ого числа, то у него шок, – тихо пояснил Мэл Чацкий. Девочка хихикнула.

– Я всё слышу. И нет, не шок, а негодование.

– Ой, брось. – Чацкий попытался снова закурить, но зажигалка не работала, другая тоже, и даже спички отказались высекать огонь.

Мэл посмотрела на Дока удивлённо, Чацкий – укоризненно.

– Не будете вы курить, пока я здесь, – нетерпящим возражений тоном заявил Базаров.

– Женя, это уже раздражает. Ты бросил, но это не значит, что мы все тоже должны бросить, – поморщился Чацкий.

– Значит, – доктор самодовольно усмехнулся, – я вас ещё заставлю вести здоровый образ жизни. Неизвестно, насколько мы застряли в этом мире и в этих телах. Ты же понимаешь, что тело стареет? И это тело может состариться. А если нам придётся здесь жить сто лет? Двести?

Конечно, Базарову было известно о том, что многие книжные персонажи провели в этом мире уже не одно десятилетие и за это время не подали признаков старения, однако он всё равно опасался подвоха и по въевшейся врачебной привычке научал всех, что «мясной костюм надо беречь». Другого не выдадут.

Чацкий уже был готов проклинать себя за то, что вообще вступил с Базаровым в перепалку. Он засунул сигарету обратно в пачку, следом потушила сигарету и Мэл. После чего Евгений с чувством выполненного долга удалился с кухни.

– Он всегда такой... такой... – не скрывая досады, пытался подобрать определение Чацкий.

– Раздражительный? – решила подсказать Мэл.

– Скорее очень чёрствый, неэмоциональный. Ну, у него работа такая...

Базаров даже услышал последнюю фразу о своём характере, но спорить не желал. Может, его таким сделала работа,

а, может, – и этот мир.

Интерлюдия Базарова

Было холодно. Настолько, что его зубы стучали. От этого холода он и открыл глаза. Вокруг не было ни души. Евгений обнаружил себя лежащим на столе. На него была накинута простыня. Он попытался пошевелиться, но тело практически не слушалось. Каждая мышца затекла.

Юноша долго пытался сфокусировать взгляд на источнике света – далёкой мерцающей свече. Наконец он собрался с силами и сел на столе, а затем и встал на холодный пол. Первые шаги давались трудно, но какая-то неведомая сила заставляла его идти к странной свече. Источник света висел на потолке, окружённый стеклом. Евгений понимал, что свеча эта не простая.

«Я умер и попал в Чистилище?» – Он мотнул головой, отгоняя дурные мысли. В конце концов он учёный, он так долго не верил в эти рассказы про Бога, что с ним просто не могло подобное случиться. С кем угодно, но не с ним. Этой новой жизни должно было быть какое-то объяснение.

Завернувшись в простыню, Евгений прошёлся по комнате. На нескольких столах также лежали люди. Все они были мертвы. «Не дольше пары суток», – отметил для себя юноша.

В этот момент дверь открылась, и в комнату вошли двое медбратьев.

– Ох, ты ж ёпт! – выругался один из них при виде Евгения. – Слышь, парень, так ты не жмурик?

– Что? – непонимающе переспросил Базаров.

– Ты давно тут шаршишься? – уточнил вопрос другой медбрат.

– Полагаю, около получаса, – без особой уверенности в голосе предположил молодой человек. – Как я здесь оказался?

– Это мы тебя спросить хотим, как ты здесь оказался... – пробурчал тот из медбратьев, что был постарше. – Но, видно... Ай, ладно!.. Вов, надо пацану помочь. Давай лавочку прикроем.

– Угу. Найду одежду какую-нибудь ему.

– Благодарю, – вспомнил о вежливости Базаров.

– Имя-то у тебя есть? – поинтересовался тем временем тот из медбратьев, что остался с Базаровым.

– Евгений.

– А я Николай. Ладно, не хрен тут сидеть, всю жопу сейчас себе отморозишь, пошли в ординаторскую.

Евгений ещё плотнее укутался в простыню и побрёл за мужчиной.

– Простите, а что это за удивительные свечи под потолком? – некоторое время спустя решил спросить Базаров.

– А? – Не понял медбрат.

– Свечи? – Указал на потолок Евгений.

– Ты чо, парень, лампочек не видал? Может, тебе бабку отбили?

Базаров только поморщился: ему не нравилась манера Николая выражаться, но делать было нечего. Он мог принять что угодно, если это хоть как-то можно было научно объяснить.

В ординаторской Евгений с Николаем подождали Вову несколько минут. Базаров старался больше молчать и просто осматривался. Он увидел много интересного и трудно-объяснимого: коробочку с движущимися картинками, бесконечные свечи... На стене висел календарь: 2007 год.

«Значит, после смерти мы перемещаемся во времени», – улыбнулся Базаров.

Размышления Евгения прервал вошедший в комнату Вова. Подойдя к парню, он сунул ему в руки стопку одежды и кивнул в угол:

– Вон там за шкафом можешь переодеться.

Базаров поблагодарил и скрылся в указанном направлении. За шкафом он обнаружил, что выданные ему вещи представляли собой брюки и рубашку медицинской спецодежды, точно такие же, какие носили Вова и Николай. Одежда, к тому же, оказалась велика Евгению на пару размеров, но выбирать особо не приходилось, к тому же это было намного лучше, чем простыня. Базаров переоблачился.

Когда Евгений показался из-за шкафа, Вова с Николаем, в свою очередь, уже сменили рабочую одежду на клетчатые рубашки и брюки из грубой тёмно-синей ткани.

Николай окинул Базарова оценивающим взглядом и

остался в целом доволен.

– Ну вот, уже другое дело, всё лучше, чем кентервильское привидение из себя изображать, – удовлетворённо сказал мужчина. – Вот только с обувью бы ему чего-нибудь придумать, а, Вов?

– Да пусть сланцы мои пока возьмёт, а там разберёмся, – мигом нашёл решение Вова.

– Николай, Владимир, я очень вам благодарен и прошу не удивляться моим вопросам, они, вероятнее всего, последствия контузии. Могу ли я попросить вас объяснить мне вещи, которые я забыл? – попросил Базаров, примеряя Вовины сланцы.

Мужики дружно фыркнули.

– Женя, ты водку пьёшь? – вместо ответа просто поинтересовался Вова.

– Пожалуй, – осторожно кивнул Евгений.

– Ну, дык, пойдём, возьмём водки, за твоё здоровье выпьем, – хлопнул его по плечу мужчина.

... Через двадцать минут Евгений и его спасители сидели в маленькой квартирке Николая неподалёку от морга, пили, закусывали и курили так, что можно было вешать топор.

– Значит, парень, родителей своих ты не помнишь? – задумчиво проговорил Николай, опрокидывая уже не первую стопку.

– Я полагаю, их нет в живых, – спокойно ответил Базаров.

– И никого не помнишь? – подключился Вова.

– Это сложно объяснить, но скорее да. Честно говоря, я чувствую, будто сознание моё находится в XIX веке. Я не знаю, как мне восстановить всё то, что я пропустил.

– Экий ты, – покачал головой Николай. – Не, ну, пацан, интернет там...

– Коль, а может, он пока у тебя поживёт? Зинка-то ушла. А парнишка тебе по хозяйству поможет... – вдруг предложил Вова.

– Ну, можно. Раз уж заново родился. Женя, ты в армии служил?

– Нет. Отец был полковым врачом. А я отучился на врача.

– Ты давай ешь!

– Эта еда мне, право слово, непривычна...

– Жуй ты.

Евгений ел. Он понимал: что-то начинается.

*

Николай Степанович был врач со стажем. Отработал в городской больнице без малого двадцать пять лет, а сейчас трудился в морге. Жена его устала от его запоев и ушла. Таким образом, Николай Степанович остался совсем один. Будучи человеком старой советской закалки, он не мог просто так взять и бросить нуждавшегося в помощи. К тому же, у Жени был измождённый вид. Длинные волосы, бакенбарды... он был похож на какого-то питерского интелли-

гента, да и вёл себя так же, что даже забавляло старика.

– Жень, а фамилию свою ты не помнишь? – заинтересовался Николай.

– Базаров, – ответил Евгений, жадно уплетая пельмени. Тут его спасители рассмеялись.

– Я не понимаю вас, – вскинул удивлённые глаза юноша.

– Ну чо, Базаров, это ж как в книжке, ну, как её, в школе проходят. «Отцы и дети!» Во! – потрясая солёным огурцом, сказал Вова.

– Я напоминаю вам героя книги?

– Ну да. Именем и фамилией.

– Понятно. Как-нибудь на досуге почитаю.

– Потом, а то, если у тебя проблемы с головой, то пока не нужно перенапрягаться, – вклинился в разговор Николай Степанович.

– И то верно.

– Лет-то тебе сколько, помнишь? – продолжал допрос Вова.

Базаров знал, что умер он в 27 лет, но сейчас чувствовал себя немного моложе. И тело тоже казалось юношеским. Сказал наугад:

– Двадцать.

– Ты же не обколотый ничем? Как ты в морг попал? – не унимался Вова.

– Знаете, некоторых людей живьём хоронили, слышали про такое? – ответил вопросом на вопрос Базаров.

– И, правда, клиническая смерть... – кивнул медбрат.

– А мы в каком городе? – вдруг заинтересовался Базаров.

– В Ленинграде. В Петербурге, то бишь. Тьфу, – сказал Николай и с какой-то непонятной Базарову досадой махнул рукой.

Дальше Евгений ел молча. Вокруг было так много вещей, о которых он не знал ничего. Ему безумно хотелось вновь оказаться на улицах города, побродить, узнать, чем жил этот мир. Но нужно было вести себя осторожно. А то так и за безумца можно сойти.

*

За первые несколько дней Базаров привёл квартиру Николая Степановича в абсолютный порядок и стерильность. В перерывах между уборкой он жадно читал материалы по истории, которые нашёл в интернете. И, конечно, очень много читал про медицину, которая немало изменилась за это столетие, про то, как работали врачи на войне. Евгений был в ужасе от того, насколько люди преуспели в уничтожении друг друга. Женя спал по четыре часа в сутки, остальное время поглощал информацию, и ему всё было мало.

Николай Степанович наблюдал за юношей и диву давался. Но не отвлекал его. Видно было по мальцу, что он что-то пережил и не стоит его трогать лишний раз.

Однако восстанавливать документы всё же отправились. Паспортистка тоже смеялась, когда записывала имя

и фамилию Евгения, говоря, что его родители явно любители литературы и юмористы.

В тот же вечер Женя спросил у Николая Степановича, есть ли у него дома эта книга, с героем которой его все сравнивают. Мужчина указал на старый советский книжный шкаф и сказал искать там. Сам же отправился на смену.

Евгений нашёл книгу в сером переплёте, от которой пахло старой бумагой, пылью и плесенью. Рассмотрел название и перевернул первую страницу. В этот момент рука его на мгновение отдёргнулась. Он порезался бумагой. Тот же самый палец, на котором красовался маленький рубец, который стоил ему жизни.

Обработав рану, Евгений принялся за чтение.

*

– Нужен я России? Нет, всё-таки не нужен, – прошептал он и закрыл книгу.

Что-то умирало в нём. Болезненное, рвало на куски. Хотелось выть от этой боли, крушить всё на своём пути. Он не мог объяснить, как так получилось, что вся его жизнь была детально описана в книге. Каждый его разговор, каждое переживание. Он помнил всё это! Помнил! Не было научного объяснения. Наука предала его.

В этот момент от осознания собственной никчёмности и бессилия ему захотелось что-то сделать с собой. Он зашёл в ванную, долго смотрел на своё лицо. Оно раздражало его, выписанное каким-то творцом, он хотел соскоблить

его.

Бритвенный станок лежал на раковине. Базаров схватил его, начал сбривать бакенбарды, царапая кожу; он в отчаянии смотрел на своё лицо и не понимал: неужели и эти его шаги были предначертаны и записаны в книгу жизни? Безумие охватило его, он стал сбривать свои длинные волосы...

*

Когда Николай Степанович зашёл в кухню, он сначала опешил: там стоял бритый налысо юноша, благородные черты лица словно стерлись в один миг, и сейчас сын дворянки Евгений Базаров был похож на Жеку, самого настоящего простого пацана с района, коих так много в питерских и не только питерских подворотнях. Он стоял в серой майке и трениках и варил пельмени, абсолютно убитый горем.

– Ты чо, Жень? – подходя к парню, тихо спросил Николай Степанович.

– Вы верите в Бога, Николай Степанович? – проговорил Базаров с досадой в голосе.

– Ты чо? Жень, что случилось? Ты что-то вспомнил? Эк тебя! – покачал головой мужчина.

– Вроде того. Вы, верно, посчитаете меня сумасшедшим, если я скажу вам правду.

– У тя пельмени выкипают, – вместо ответа заметил Николай Степанович.

Кажется, эта фраза разрядила весь трагизм ситуации, и Базаров срочно стал искать способы спасти пельмени. Сте-

паньч подошёл и просто выключил конфорку.

– Ну, давай, валяй. Чо у тя случилось?

– Я взял почитать книгу, «Отцов и детей»... Я прочитал её.

– И?

– Вы же тоже наукам учились, как такое может случиться? Как? В этой книге словно описана вся моя жизнь до того момента, как я навсегда закрыл глаза. А когда я открыл их, я был уже здесь! Нет ничего другого в моей памяти. Словно... словно я сошёл с этих страниц. Словно меня написали давным-давно, и я... я выдумка! Чья-то выдумка. Меня не существует! Не существует! Но видите эту кровь? Я живой. Это кровь живого человека! Я живу, я чувствую. Как такое возможно?! – Евгения Базарова будто бы прорвало.

Степаньч не понимал, однако и не мог обвинить Базарова в безумии. Все его слова были искренними, в них не было лжи. В них сквозило отчаяние, отчаяние человека, который говорил правду и не верил самому себе.

В тот вечер Евгений напился практически до алкогольной комы. Он плакал, ругался, разбивал кулаки о стены, а Николай Степанович просто молча слушал. По натуре своей он уже ни во что не верил и ничего не ждал, но даже по прошествии шестидесяти пяти лет мир не переставал его удивлять. Поэтому, если Евгений и впрямь оказался ожившим героем книги или путешественником во времени, это не име-

ло для старого врача никакого значения. Евгений был человеком в беде, ему нужно было адаптироваться к новой жизни и новой реальности. Ему нужна была помощь. И Николай Степанович решил взяться за таинственного юношу. И очень скоро это принесло свои плоды.

*

– Николай Степанович, я сдал, сдал экзамены! Меня приняли! – Базаров совсем запыхался и тяжело дышал. Он стоял посреди морга счастливый, готовый обнимать и живых, и мёртвых.

– Вот видишь. А паники-то развёл. Я ж те говорю, вот с нуля учишь. Наши кого угодно выучат. Даже если ты и впрямь из 19-ого века. Шучу.

Евгений был зачислен в медицинский университет им. И. П. Павлова на бюджет, и учёба очень быстро отвлекла его от поисков смысла жизни и тайны своего происхождения. Уже через полгода Евгений начал чувствовать себя обычным человеком. Учился, подрабатывал, помогал по дому Николаю Степановичу, стал слушать невыносимый дэт-метал, полюбил спорт.

В день, когда он закрыл последний экзамен своей первой сессии, он собирался с однокурсниками отметить это событие.

Базаров шёл по улице и весь светился от счастья. Он свернул во дворы и пошёл вдоль канала. Ощущение, что за ним следят, возникло внезапно. Евгений ускорил шаг,

несколько раз обернулся, но так никого и не увидел. Только на одном из перекрёстков он заметил небольшую собаку странной породы: пушистую, с пятнышками, с большими ушами и очень умными глазами.

Он прошёл мимо.

Собака двинулась за ним. Практически по следам, переваливаясь на своих коротеньких лапках.

– Къши, – неуверенно сказал ей Базаров.

Собака не отставала.

– Отстань, блоховоз, – уже твёрже повторил парень. – Еды нет.

Собака села напротив него и внимательно посмотрела ему в глаза, словно хотела сказать о чём-то очень важном или как будто пыталась в нём кого-то узнать. Евгений топнул на собаку и замахнулся, и та, наконец, сбежала. Базаров вздохнул с облегчением. Животных он не очень-то любил.

*

...Год сменялся годом. В Питере порой и не замечаешь этого. Ничего не осталось от того потерянного юноши, которым был Евгений шесть лет назад. Жизнь его стала нормальной. Такой, как у всех. Смены, операции, прогулки с друзьями, встречи с женщинами, которые его только отвлекали, ещё больше работы, покупка машины, помощь по дому своему названому отцу. И два дня, когда всё изменилось...

*

Смена в тот день не задалась. Вечером Женя сидел на

кухне и курил, несмотря на то, что уже два года как завязал с табаком. Сегодня он не смог спасти женщину, которая была матерью двоих детей, и всё закончилось дракой с её мужем прямо в коридоре больницы. Муж обвинил Евгения в некомпетентности. Отличное решение после четырнадцати часов операции с пациентом, которого практически невозможно было спасти, но Базаров взялся.

– Почему вы решили бросить работу? – обратился Женя к Николаю Степановичу.

Тот сделал Жене приглашающий жест, налил водки и залпом выпил.

– Тебе снятся сны? – вместо ответа спросил старый врач.

– А как же. Конечно, – кивнул Базаров.

– Знаешь, когда я работал хирургом, мне часто снился один кошмар. Будто бреду я по пустыне и чувствую преотвратительную вонь. И я иду, а она усиливается. И вдруг вижу холм, и вот я иду, иду к нему и вдруг вижу, над ним вороны кружат. И мелкие мёртвые деревца вокруг холма. Я приближаюсь, а холм и не холм вовсе! А вырезанные мной человеческие желчные пузыри. Вот все-все, которые я за долгие годы практики вырезал. И я смотрю на эту грудку, будто в картине «Апофеоз войны», только с желчными пузырями.

Базаров поморщился.

– Не смог я так большие. Просто не смог. Устал.

– Понимаю.

– Как смена прошла?

– Да ничего серьёзного. Одному алкашу ногу отпилил, а в остальном спокойно.

Николай Степанович закурил.

– Врёшь.

– Семью лишил матери, – горько усмехнулся Базаров.

– Колэктомия?

– Угу. Был похожий случай?

– Не раз.

Они выпили.

– Не искал?

– Что именно?

– Да корни свои. Как тебя сюда занесло-то. Раз уж о семье заговорили...

Евгений закатил глаза. Вопрос застал его врасплох.

– В последнее время думаю, что это последствия какой-либо черепно-мозговой травмы. Например, я перед травмой читал этого вашего Тургенева, и потому последнее, что помню – всю жизнь Базарова. И назвался так, потому что именно это запомнил.

– А если нет?

– Николай Степанович, полно вам, бросьте! Вот напишу я сейчас рассказ, допустим. И что, на другом конце страны оживёт кто-то, кого я придумал?

– А что, если так?

– Степаныч, и так паршиво, зачем ты вообще эту тему

поднял?!

– Да, просто, Женя... Загубишь ты свою жизнь с хирургией. А может быть, тебе другая судьба предначертана?..

– Если я и впрямь из другого мира, то там, вроде как, я умер. Так себе вариант.

– Но корни свои знать нужно.

– Да что вы заладили?! Степаныч, я знаю, ты переживаешь, что мы разошлись с Верой, но я не хочу семьи. И чудес не хочу. Покоя хочу.

Николай Степанович грустно посмотрел на своего подопечного. Он переживал за него, за то, что Женя всё не может найти своё место в этом мире. Что и друзья, и девушки держатся от него на расстоянии. И знал старик, что Евгений был чудовищно одинок. Просто убил в себе все эмоции и чувства, отдаваясь работе. Глядя на таких людей, ему всегда хотелось пожелать им чуда. Настоящего. Из тех чудес, в которые сам старик не верил, но сейчас очень хотелось.

– Не отрицай чудес, Женя, – с какой-то долей печали сказал старик, кивнул и пошёл к двери собираться на смену.

Базаров только махнул рукой и залпом выпил водки.

Днём они с Николаем Степановичем так и не пересеклись. Евгений и не хотел. Он бродил по городу, не находя себе места. То ли из-за драки с мужем пациентки, то ли из-за какого-то нехорошего предчувствия. Так или иначе, он двинулся на смену.

В дверь ординаторской постучали. Женя быстро свернул окно «Героев 3» на рабочем компьютере. В комнату вошёл наряд полиции.

По мнению Евгения, работа врача представлялась в мас-совом сознании чем-то романтизированным. Почему-то у обывателей существует мнение, что врач на смене обяза-тельно успевает употребить флакончик медицинского спирту, поссать в раковину ординаторской и обязательно трахнуть молоденькую медсестричку. В реальности же за ночь можно было нарваться на неприятные происшествия с ВИЧ-инфицированным и ехать после в диспансер спасать уже себя; необходимо было правильно заполнить несколько свидетельств о смерти и иногда нарваться на вызов следо-вателя. И вот сейчас, похоже, была эта самая ситуация.

– Евгений Васильевич Базаров? Майор Ларин.

– Доброй ночи. Чем обязан? – спросил Евгений, представ-ляя, что, скорее всего, это из-за инцидента с дракой.

– Вы знакомы с Николаем Степановичем Ковалевским? – Фраза прозвучала, как глухой удар.

– Да. Конечно. – Базаров машинально начал привставать со стула.

– Когда вы в последний раз видели его?

– Вчера вечером. После смены.

– Пройдёмте.

По тону майора было件нятно, что ничего хорошего эта прогулка не предвещала.

– Я могу узнать, что с ним?

– Он мёртв.

– Как?! Что случилось?!

– Сейчас мы проедем для процедуры опознания. Но сначала вам придётся подписать несколько бумаг о неразглашении.

– Неразглашении чего?!

– Евгений. Вы ведь живёте в квартире Ковалевского.

– Да, я снимаю у него комнату. Уже лет семь как.

– А где вы были вчера вечером?

– На смене, естественно. Проводил операцию по удалению грыжи.

– Кто может подтвердить, что именно вы были вчера на смене?

Базаров выругался.

– Персонал больницы может это подтвердить. Вы что, подозреваете меня в убийстве?!

– Откуда вы знаете, что произошло убийство?

– Потому что ваши дурацкие вопросы наталкивают только на этот вариант.

Через двадцать минут они подъехали к моргу. Евгений быстренько пробежался взглядом по бумагам о неразглашении. Не найдя в них подвоха, подписал.

Они вошли в морг. Под лампой лежало тело в чёрном полиэтиленовом пакете. Базаров, подходя к столу, был до последнего уверен, что полицейские ошиблись. Хотел верить.

Также в его голове промелькнули мысли об остановке сердца. Или инсульте, или...

Мешок растянули, и стало понятно, зачем нужны были бумаги о неразглашении.

Половины лица у тела не было. Оно словно было срезано скальпелем. Вторая половина лица была изуродована, и глаз практически вырван. По телу также шли глубокие порезы, но самое странное, что успел отметить Базаров, – он не видел высохшей крови.

– Где кровь? – прохрипел он.

– Вы заметили, да?

– Что с кровью?

– Это мы сейчас пытаемся выяснить. Это очень странное убийство. Мы полагаем, что кровь была слита в другом месте.

– Бред. Тело бы раздуло, а так оно выглядит, словно его высушили. Я могу осмотреть труп? Помочь вашим криминалистам или кто там у вас?

– Сожалеем, но нет. В данном деле вы являетесь человеком заинтересованным.

– Да чтоб вас! Тут не нужно быть семи пядей во лбу, чтоб сказать, что это не обычное убийство! Где вы нашли тело? Можно ли увидеть место происшествия?!

– Неподалёку от Выборгского вокзала. Мы нашли его в таком виде. Может быть, вы можете нам рассказать, что он там делал?

Евгений тупо разглядывал тело. Его взгляд был пуст. А разум чист.

На смену Женя не вернулся. Он медленно шёл домой и курил. Поднялся в квартиру и сел на кухне, уставившись в стену.

– Теперь. В. Опасности. Ты. – Раздался странный гаркающий голос.

Женя вскочил. На пороге комнаты сидела собака. Кажется, он мельком видел её много раз, но не обращал внимания. Базаров рассмеялся.

– Нет. Ты. Не. Поехал. Крышей. Я говорю, – сказала собака.

– Тогда тебя нужно сдать на опыты, – с нервным смешком сказал Евгений.

– И тебя. Евгений Базаров.

– Допустим. Я уже готов поверить во что угодно.

В голове Жени словно прозвучали последние слова Николая Степановича: «Не отрицай чудес». Собака ждала реакции.

– Что происходит? Я устал. Я очень. Очень устал, – обессилено проговорил Базаров, снова опускаясь на стул.

– Я знаю, – отозвалась собака.

– Звать-то тебя как, блоховоз?

– Муму.

Базаров рассмеялся, как смеются люди в истерике, люди,

которые хотят плакать, но вместо слёз организм выдаёт безумные обратные реакции.

– То есть, ты тоже оживший книжный персонаж? – отсмеявшись, решил уточнить Евгений.

– А удивляет что тебя?

– Меня уже ничего не удивляет. Я просто устал, блоховоз. Мне надо выспаться, тогда ты пропадёшь, все пропадут... – Базаров снова встал, намереваясь идти в комнату, однако собака его остановила.

– Спать, Женя, нельзя. Прийти они могут в минуту любую.

– Кто? – опешил Базаров.

– Те, кто убить тебя хочет.

Женя сполз по стенке на пол, подтянул к себе плед со стула и лёг, разглядывая собаку.

– Уходи, блоховоз.

Собака не сдвинулась с места.

– Они нашли тебя. Выманить пытаются. На смерть друга твоего.

– Пускай. Пускай. Я отомщу.

Язык Евгения заплетался от усталости, он проваливался в сон, игнорируя уже даже говорящую собаку.

*

Очнулся Евгений от дикого собачьего визга, который, казалось, должен разбудить половину района. Визг звучал настолько жалобно, что Базаров, проклиная себя, выскочил

на лестничную площадку и побежал на звук. Он доносился из подвала. Ни секунды не раздумывая, доктор бросился туда.

В подвале еле мигали лампочки, и было душно. Собачий визг уже перешёл в поскуливание, и Женя пошёл на него. В одном из проходов в луже крови, поджав под себя лапы, лежала Муму. Базаров осмотрел её: на животе зиял огромный порез. Доктор снял с себя майку и попытался аккуратно перевязать собаку. Сейчас бедолага лишь тихо скулила и ничего не говорила. Затем Евгений бережно взял животное на руки и пошёл к выходу.

Внезапно свет в подвале погас. Одной рукой прижимая к себе Муму, другой Евгений щёлкнул зажигалкой, извлекая огонь, и принялся напряжённо вглядываться во тьму. Нужно было как можно скорее покинуть подвал.

В следующий момент что-то полоснуло его по запястью. Зашипев от боли, Базаров выронил зажигалку, однако здоровой рукой лишь крепче прижал к себе Муму. Аккуратно положив к своим ногам собаку, Евгений попытался ощупать порез, но в этот миг его укололо в спину. Женя вскрикнул. Он был абсолютно беспомощен: безоружный, в кромешной тьме, в компании одной лишь раненой собаки. Предугадывая следующее действие противника, Базаров закрыл ладонью свои глаза, и скальпель мгновенно резанул его руку. Некто двигался медленно, но совершенно бесшумно, словно вся тьма была его рабочей зоной. Нужно было бежать, но

Базаров понял, что не может бросить Муму.

Евгений развернулся, резко присел и всем телом толкнул нападавшего. Звук ударившейся о пол бритвы возвестил о том, что Базаров всё сделал правильно и противник упал. Женя кинулся туда, куда, судя по звуку, улетела выроненная недоброжелателем бритва. Судорожно нащупав её и порезавшись о лезвие, он стал отступать к стене. Выставив бритву перед собой и прислушиваясь к каждому шороху, Евгений ожидал удара.

Ещё один порез рассёк шею от уха до ключицы, но вскользь, артерию не задело. Вдруг Женя почувствовал, как что-то буквально втягивает его в стену.

Первым чувством, охватившим его, была паника, однако доктор очень быстро совладал с собой, собрался, словно был на операции. И произнёс спокойно и твёрдо:

– Не верю!

Свет в подвале зажёгся. Перед Евгением стоял мужчина с бритвой, но без тени. Руки Базарова ныли от боли, но он собирался выйти из этой драки победителем. Обнаруженный мужчина понял, что не может уйти во тьму, и стены большие не являются ему помощниками. Он бросился бежать, стараясь скрыться от преследовавшего его Базарова. Кривясь от боли, Евгений, однако, следовал за ним.

Вдруг мужчина что-то воткнул в трубу, Базарова обдало горячей водой, и он упал на землю. Незнакомец скрылся.

– Собака, собака, ты как? – простонал парень.

– Жива, – слабым голосом отозвалась Муму.

Женя пополз в сторону, где лежала псина. Казалось, время вокруг застывало. Базаров полз. Тело щипало и жгло. Казалось, от этого ожога, от ранений вот тут он и умрёт. Но соглашаться с тем, что он умрёт из-за того, что решил спасти собаку, Евгений не хотел.

По-настоящему не хотел.

*

Когда Базаров открыл глаза, он обнаружил, что лежит в своей комнате на кровати, перевязанный неумело, но на совесть. Словно в ответ на его пробуждение, дверь открылась и на пороге комнаты появилась женщина.

– Ты ещё кто?! И что ты делаешь в моей квартире? – нервно воскликнул Базаров, приподнимаясь на локтях.

– Галантности тебе не занимать, – усмехнулась незнакомка. – Меня зовут Маргарита, и это мне пришлось тащить Муму и тебя сюда.

– Что с блоховозом? – уже спокойнее поинтересовался Базаров.

– С кем? – непонимающе вскинула брови женщина.

– С собакой.

– А что с ней не так?

– Ты не заметила рану на её пузе?

– Нет, Муму не была ранена. Ты был.

Евгений ощупал себя. Он и впрямь был перевязан с ног до головы.

– Я не понимаю... – растерянно начал Базаров.

– Поймёшь. – В комнату вошёл стройный парень в военной форме. – Видимо, ты исцелил ту, кто одного пера с тобой.

– А можно говорить по-человечески?! – вспыхнул Базаров.

– Евгений Базаров. Семь лет мы ждали, что ты вспомнишь, кто ты такой. А мы обязательно расскажем тебе, зачем ты здесь. Я Василий. А это Маргарита.

Евгений откинулся на подушку. Выбора не было. Придётся выслушать непрошенных гостей.

Конец интерлюдии

Сейчас же весь дом Марго был полон непрошенных и прошенных гостей. Евгений присмотрелся. За столом Онегин о чём-то очень живо спорил с зеленоволосой девочкой.

К Базарову подошла Мэл.

– Что-то не так?

– Не нужно приводить на встречи с нами обычных людей.хлопот не оберёшься объясняться.

Мэл хмыкнула. Если и существовали на свете люди с отрицательной харизмой, то Базаров был одним из них.

Глава 16

Первым, что увидели Мери и Иван, когда зашли в гостиную Барыни, был сидящий в кресле Ленский с перебинтованными по локоть руками. Рядом мрачно раскуривал трубку Кирсанов. Ленский всем своим видом показывал, чтобы его не трогали. Именно поэтому, будучи редкостным язвой, Иван с порога поинтересовался:

– Ты не думал, что пора уже в тир походить? Стрелять, наконец, научиться... Как так можно было просрать всю миссию? Я наслышан, это просто потрясающе, серьёзно, Володя.

Ленский ничего не ответил. Его тёмные пустые глаза смотрели в потолок.

– Вы его что, убили? – обратился Иван к Павлу Петровичу.

– Его-то убьёшь. Кровь сливали.

– Кого зацепило?

– До нас наконец-то доехало тело Панночки, и её нужно собирать.

– Оксана? Что с ней? – вмешалась обеспокоенная Мери.

– Наши доблестные питерские друзья додумались отрубить ей голову. Нам повезло, что всё сложилось так.

– Почему ей никто не помог? Какого чёрта вы послали меня в Питер, если ей нужна была моя помощь?! – вознегодовала девушка.

– А с чего ты вообще взяла, милочка, что от тебя Оксане был бы хоть какой-то толк? – В комнату неспешно вошла Варвара Петровна.

Мери поёжилась, опустила глаза в пол и замолчала. Иван заметил эту реакцию. Барыня коротко кивнула ему. Тот подошёл и поцеловал её сморщенную руку.

– А вот ты мог бы и помочь Шутце, Инквизитор. Мы договаривались, что ты пробудешь там две недели, а ты исчез на полтора месяца, – с нетипичной для себя сдержанностью укорила она Карамазова.

– Ну, имбирный штоллен сам себя не съест, Варвара Петровна, – очаровательно улыбнулся Иван. – Я уже почитал отчёт и...

– Тю, молчи. – Барыня села на диван и закурила электронную сигарету. – Нет от вас никакой пользы, хоть стирай. – Она отвернулась от Карамазова и резко повернулась к Мери: – Княжна, вот объясни мне, как у нас появилась жертва из гражданских, которая не является творцом и никак с творцами не связана?

– Я не... – растерянно начала было девушка, но Варвару Петровну не больно-то интересовали её оправдания.

– Я тебе разрешала говорить? – оборвала она Мери.

На глазах Княжны выступили слёзы обиды. Барыня это мгновенно заметила.

– Плакать я тебе тоже не разрешала, милочка, ещё весь ковёр мне испортишь. С зарплатой твоих стариков ты мне по

гроб жизни его стоимость отдавать будешь. Сама ты столько
вовек не заработаешь...

Мери была подавлена. Когда-то она была гордой княжной
и могла бы найти способ разобраться с нахальной старушен-
цией, но сейчас у неё не хватало ни сил, ни возможности.
Даже думать об этом девушка не могла, потому что знала,
что все её мысли читают. Она молча уставилась в пол, ожи-
дая очередной издёвки.

– Я заработаю, – внезапно вмешался Иван. – И отдам.
Пусть плачет, сколько ей угодно.

Барыня скользнула по Инквизитору равнодушным взгля-
дом.

– Выпороть бы тебя за дерзость... – с ленивой мечтатель-
ностью проговорила она.

– Это уж как вы пожелаете, – с почтительным полупокло-
ном, в котором практически невозможно было уловить из-
дёвку, ответил Иван. – Хоть воском горячим обливайте, если
нравится, только давайте уже о делах поговорим.

Барыня проигнорировала этот излишне смелый коммен-
тарий и действительно заговорила о деле.

– Нужно найти застёжку ожерелья с огромным рубином.
Есть сведения, что она сейчас в Санкт-Петербурге. Поедешь
ты и Троянская. Вы с ней, вроде, ладите. Возьми билет на
второе число и давай туда. – Затем Варвара Петровна повер-
нулась к Княжне с выражением брезгливой жалости на ли-
це: – А от тебя, бестолочь, хочу, чтобы ты подружилась с той

девицей, которая призвала Онегина. Потом начинай плавно капать ей на мозги, убеди её в том, что она влюблена в него, пусть побегает, он, скорее всего, её отвергнет. Это сыграет нам на руку. К девочке неплохо относятся остальные, она станет нашими глазами там.

– Подожди, Варвара. – Кирсанов напрягся, посмотрел в глаза Барыне и понял, что она пытается подстраховаться. Она не доверяла Печорину, а Мери не знала о том, что он призван. Девочка была просто пешкой в этой истории. Но вот если они с Печориным узнают о существовании друг друга, все планы могут рухнуть.

– Да? – Барыня с нетерпеливым недовольством вскинула глаза на Павла Петровича.

– Не нужно сводить Княжну с Червями. Пока что. Пусть поможет здесь Ане и Оксане, которой ещё восстанавливаться. Я тебе позже объясню, почему не нужно светить сразу всех. Не забывай, что про Княжну они не знают и даже не догадываются о том, что мы её призвали. По Москве и области полно жемчужин. Пусть ищет.

Барыня демонстративно потёрла виски.

– Хорошо, пусть будет так. А теперь идите. Паша, разбейся с Мери и остальными сам. Я за их косяки скоро начну их стирать.

Иван коротко кивнул, Мери поклонилась. В этот момент, казалось, все в комнате почувствовали, с какой неприязнью она это сделала. Затем Инквизитор и Княжна направились к

выходу. Кирсанов пошёл за ними.

Для Непримириных Павел Петрович стал чем-то вроде названного отца. Он уравнивал склочный характер Варвары Петровны и пытался относиться к подчинённым с долей заботы, сглаживая острые углы. Ведь всегда могло выйти, как с Маргаритой, которую в момент призыва попытались поработить вместо того, чтобы предложить добровольное сотрудничество и убедить в целесообразности и выгоде лично для неё работы на Непримириных. Из-за этого им пришлось изрядно попотеть, чтобы сломить её волю, да и то ненадолго: девица всё равно вскоре освободилась и сбежала. Барыня даже хотела её убить, но Маргарита к тому моменту вошла в такую силу, что её уничтожение, скорее всего, стоило бы Непримириным жизни нескольких ценных сотрудников. Варвара Петровна решила не рисковать.

– Ну, девочка, не слушай ты её... – Попытался успокоить Кирсанов Мери. – Ну, то есть, слушай, но не придавай чрезмерного значения.

– Павел Петрович, а как насчёт того, что она и так разорила мою семью и угрожает разорить их ещё больше?! – Мери с яростью посмотрела на Кирсанова. Вещи на столах задрожали. Карамазов с интересом изогнул бровь.

– Она этого не сделает, это раз. А два, Мери, они всё же не твои настоящие родители. Как бы тебе ни хотелось, но в нас нет ничего настоящего. И жизнь, которой ты живёшь, с людьми, с которыми ты живёшь, – просто подделка. Хочешь

ты этого или нет.

Мери не знала, что ему ответить. Это был удар по больному.

– Поговорите, я подожду юную леди у машины. – Иван вышел. Ему было любопытно послушать, что не так с Княжной, но, с другой стороны, все имели право на свои скелеты в шкафу.

Пока вся страна выбрасывала недоеденные новогодние салаты, Печорин переживал о том, что в больнице кормили крайне скудно, и он голодал. Голод физический он пытался заглушить пищей духовной... Печорин безнадежно проигрывал партию в «Героев 3», когда в палате появились Остап, Онегин и Мэл. Явление Онегина удивило Григория особенно.

– Предвосхищая ваш вопрос – до конца праздников меня не выпустят, – прохрипел Гриша.

Остап подошёл к кровати Печорина и торжественно вынул из рюкзака банку оливье и контейнер с жареным мясом. Григорий страдальчески посмотрел на Бендера.

– Что ж ты делаешь, гад? – скривился он.

– А что? Вон, Чичиков старался, готовил. Вы ещё хоть и не знакомы толком, но вот...

Печорин вздохнул. Посмотрел на Мэл и Онегина, потом на еду и вздохнул ещё раз.

– Мне нельзя ничего твёрдого есть. Швы. Говорить особо

тоже. Так что рассказывайте, что у вас.

– У нас Вий. И пока никакой информации про новые жемчужины.

– А ещё у нас Ленский, – добавила Мэл, ощетинившись.

– Это что ещё за чёрт? – вскинул брови Печорин.

– Он мой друг, – мрачно отозвался Онегин.

– Ты серьёзно?! Ты всё ещё считаешь его своим другом после того, как он нас чуть не убил?! – возмущённо воскликнула девочка.

– Мэл, на полтона тише, – осадил девочку Бендер. – Мы всё-таки в больнице.

– Остап, ну ты тоже не видишь в этом проблемы?! – не унималась Мэл.

– Так, женщина, не кричи. – Григорий всё-таки подтянул к себе банку с салатом и ложку, несколько секунд поразмыслил и приступил к трапезе. – Женя, ты объяснишь мне, с чего этот ор?

– Я тебе не обязан отчитываться, – холодно и отстранённо ответил Онегин.

Печорин пожал плечами:

– Вообще не понимаю тогда, чего ты припёрся...

– Я не могу оставить Мэл после всего, что произошло, – так же бесстрастно объяснил Евгений.

– А, какой ты заботливый! Тогда кто-нибудь объяснит мне, в чём дело?

Остап постарался описать Печорину произошедшее пре-

дельно точно, но Мэл встревала и добавляла эмоциональные подробности от первого лица.

Григория заинтересовало, почему же Чёрный Человек не смог убить Тёркина и нет ли возможности использовать это себе на пользу.

У Григория было достаточно времени подумать о происходящем. А главное – продумать план, как служить двум господам одновременно и при этом выжить. Хотя то, что Неприимимые пустили его как разменную монету, много говорили о планах на него.

– Правильно ли я понимаю, – спросила Мэл, пока они с Онегиным в ожидании Бендера прогуливались по больничному двору, – что теперь мы вернули наши с тобой дружеские отношения, и ты вновь переедешь ко мне, чтобы охранять?

– Не совсем. Я действительно хочу защищать тебя...

– Ну, надо же!.. И поэтому ты хочешь вернуться?

– Не совсем. Прости, Мэл, но вы все были правы: я должен был начать самостоятельную жизнь. К тому же, после всего случившегося лучше будет, если мы разделимся.

– Ага, лучше. Прямо как в фильмах ужасов. Я не уверена, что этот маньяк не нападёт на меня, пока я одна.

– Вася и Марго обещали круглосуточно присматривать за тобой. Волноваться не о чем.

– Где ты сейчас живёшь? – сменила неприятную тему

Мэл.

– У знакомого, на Кутузовском проспекте. У него и работаю.

– Чтоб я так находила друзей... – завистливо пробормотала девочка.

– Иван неплохой малый, я обязательно вас познакомлю когда-нибудь.

– И кем ты у него работаешь? Уборщиком? Домоправителем? – не справившись с досадой, попыталась подколоть Мэл.

– Переводчиком, – не поддавшись на провокацию, просто ответил Онегин.

Мэл рассмеялась.

– Он буржуй какой-то?

– Нет, главный редактор. И ему в издательстве нужен переводчик. Я это, на фри, на фри... На фрилансе. Вот.

– Ты хотя бы в гости заходи... – проговорила разом погрузневшая Мэл.

Для Онегина такая перемена была неожиданностью.

– Я думал, что после того, что случилось... ты меня возненавидишь. Я не смог защитить тебя от Володи, – тихо произнёс Евгений. – Теперь меня все винят.

– А как не винить?! – выпалила Мэл, но, заметив, как сник Женя, исправилась: – Я не думала, что он настолько близок тебе. В книге об этом ничего не было.

– А как бы ты поступила, если бы Виолетта от тебя отвер-

нулась? Или если бы из-за тебя она умерла, а потом вернулась из мёртвых, чтобы отомстить?..

– Виолетту хрен убьёшь. Она как-то вены резала в седьмом классе из-за несчастной любви... Короче, от того, как ей влетело от родни, ей было больнее.

Онегин слегка улыбнулся.

Из больницы наконец-то вышел Остап.

– Эй, голубки, поехали! – крикнул он.

– А? Что? – встрепенулся погрузившийся в свои мысли

Онегин.

– Мэл я подброшу до дома, а ты, Женя, поедешь со мной к Марго.

Мэл попыталась воспротивиться, но Бендер строго посмотрел на неё, и девочка сдалась.

Базаров сидел за столом над горшком с землёй и водил над ним рукой. Из горшка то появлялся маленький росток травы, то постепенно умирал. Коты Марго с интересом наблюдали за такой игрушкой, периодически пытаясь лапой задеть росток.

– А ты не боишься, что случайно навредишь котам, и Марго тебя убьёт? – поинтересовался, глядя на это, Родион.

– Ну, это часть эксперимента, – пожал плечами Базаров. – Видимо, эта сила действует на определённый объект, а не по периметру. Но я продолжаю проверять. Вдруг лапка этого чудовища изменится.

Чудовище словно поняло, что речь идёт о нём, и негодуяще зашипело.

Маргарита тоже всё слышала, и в следующий момент в затылок Евгения прилетела мокрая тряпка. Сохраняя на лице невозмутимость, доктор произнёс:

– Но никто же не пострадал. И ты поторопила бы новенького. Я думаю, у всех нас есть ещё дела, кроме как душнить тут.

– Не понимаю, почему он тебе не нравится? – спросила Марго.

– Я ему не доверяю. И девочке. Ты можешь сказать, когда у нас были последние открытые столкновения с Непримируемыми?

– Когда мы спасали тебя.

– Пять лет назад? Хороший срок. А здесь два нападения... нет, три нападения подряд. На Бендера, на нас и на Тёркина. Мне не нравится. Они начали действовать слишком открыто. Ещё и эти смерти...

– Мы поняли, что смерти нужны были им для воскрешения Вия, – вмешался Родион. Потом несколько мгновений подумал и задал вопрос: – Марго, а ты чувствовала, что твоя жизнь удлинится, когда ты... в общем... когда ты...

– Убивала простых людей? Нет.

– А если они убивают не простых людей? Он сказал: «Не люблю в их отношении слово “человек”. Я забираю тех, кто может погубить жизни, подобные вашим». Что если наши

противники как-то определяют тех, кто умеет сочинять, и убивают... творцов?

– Не сходится. – Базаров сжал кулак, и весь горшок с цветком, к удивлению окружающих людей и окружавших его котов, исчез. – Он убивал детей. И пропадали дети. Что дети могут написать, они же никто?

– Подожди, – возразил Родион. – У детей богатая фантазия. Но мало кто проносит её через всю жизнь...

– Ты хочешь сказать, что они убивали не творцов как таковых, а тех, кто мог бы ими стать? Зачем? Почему нельзя там убить Лукьяненко, Пелевина, ну, Глуховского, на худой конец?!

– Может, они их за писателей не считают? – усмехнулся Раскольников.

– Ага, а малолеток, которые фанфики слэшные пишут, значит, считают, – проворчал Базаров.

– Евгений, а ты не хочешь рассказать, откуда ты про слэшные фанфики знаешь? – заинтересовалась Марго.

Базаров покраснел от злости.

– Знаешь, периодически решаюсь прошерстить фикбук на предмет того, с кем ещё меня... – Базаров закатил глаза, – шипперят!

Раскольников и Марго рассмеялись. Проблема была в том, что на самом деле Базаров, узнав про такую часть культуры как фанфикшен и ознакомившись с самыми яркими представителями жанра, очень испугался, что его характер под

воздействием «творчества» юных фикрайтеров изменится, и он начнёт творить непотребную содомию. Так что в этой шутке была лишь доля шутки...

– Да хорош уже!.. – с досадой одёрнул Базаров веселящихся друзей.

– На самом деле, нужно проверить эту теорию... Про детей – потенциальных творцов, я имею в виду. Изучить то, чем пропавшие жили, их странички в соцсетях... родню расспросить, – принялся размышлять Родион.

– Если эта теория подтвердится, то я не представляю, как мы будем искать будущих жертв, – мрачно отозвался Базаров.

– А с чего ты взял, что они будут? – вскинул на него глаза Раскольников.

– Не вижу повода не продолжать, – согласилась с Женей Марго.

– Тогда нужно определиться, что мы делаем дальше. Ищем жертв, ищем Вия, ищем жемчужины? – Базаров переводил напряжённый взгляд с одного лица на другое.

– А ты можешь объяснить, зачем нам искать Вия? – не понял Раскольников.

– Убить, – сказал Базаров твёрдо.

– Ты уверен? – усомнилась Маргарита.

– Да, Марго, я уверен. Это чудовище, которое съело не один десяток человеческих жизней только на момент призыва. Ты думаешь, ему не нужно будет питаться? Ты думаешь,

его способности не придётся поддерживать кровью?

– Я знаю, что Элен и Анатолий поддерживают себя подобным образом. Но Вий...

Раздался звонок в дверь. Бендер и Онегин вернулись.

Княжна мрачно курила возле машины. Не поднимая взгляд от телефона, она спросила Ивана:

– И зачем ты это сделал? Вступился за меня перед Барыней? – В голосе её слышался вызов.

– Ну, ты хорошая, – буднично отозвался мужчина.

– И почему Барыня тебя послушала? – продолжала допытываться девушка. Не имея возможности ответить Варваре Петровне, как она того заслуживала, Княжна хотела теперь поругаться хоть с кем-нибудь, и Карамазов прекрасно это понимал, а потому не мог злиться.

– Ну, мы полезны друг другу. Моя сила нужна ей. Можно сказать, что я очень ценный кадр, – с едва уловимой иронией в голосе проговорил Инквизитор, и тонкая улыбка скользнула по его губам.

– Конечно, эта старая стерва может только пользоваться нами... – с плохо скрываемой ненавистью в голосе прошипела девушка.

– К чему столько негатива? Не боишься, что тебя сотрут? – слегка поддразнил её Иван.

– Я вообще не просила, чтобы меня призывали! – огрызнулась Княжна.

Иван вздохнул. Обычно он не интересовался жизнью своих сослуживцев, но было в этой девочке что-то такое, что вызывало любопытство. Она была либо безрассудна, раз так свободно костерила Барыню, либо сильна. Но сейчас было не лучшее время расспрашивать девушку об этом. Карамазов облокотился на капот.

– Подвезти?

– Сама дойду. – Мери вызывающе посмотрела на мужчину.

– А зачем подходила?

– Задать вопрос. Вот задала. Вот уйду.

Она отсалютовала и пошла к метро. Не обернулась. Не повелась на галантность. Дерзкая и наглая пацанка. Карамазов проводил девушку взглядом. Странная особа.

Подобные собрания Родион Раскольников, по институтской молодости знакомый с такой субкультурой как ролевики, называл «белыми советами». Термином универсальным, чтобы описать бесполезное собрание множества людей, желающих спасти мир, но вместо спасения мира занимающихся только болтовнёй.

– Итак, пока мы все здесь, нужно отыскать логово Вия и вместе напасть. – Базаров зашёл с козырей. – Таким образом, мы не дадим Непримирым погубить ещё больше творцов и лишим их весьма сильного союзника.

– Ага, а потом они убьют ещё нескольких и вызовут ко-

го-нибудь новенького, – мрачно заметил Тёркин.

– То есть, они убивали творцов чтобы возродить Вия? – уточнил Онегин.

– Да, мы думаем так, – кивнул Базаров.

– А почему вы уверены, что они убивают творцов для возрождения кого-то из нас? Что если они убивают талантливых детей, чтобы они не смогли сотворить нам подобных?

Все посмотрели на Стрелка.

– Что? – слегка смутился пристальным вниманием он.

– В этом есть рациональное зерно, – сказал Бендер. – Нельзя эту версию исключать.

– А как они узнают, может ли кто-то призвать подобных нам?

– Человек Чёрный, – твякнула Муму. – Он не из сего мира. Наперёд определять может, кто способен.

Онегин заворожённо смотрел на собаку. Он никак не мог привыкнуть, что эта божья тварь разговаривает.

– Мы не знаем наверняка, – добавил Родион.

– Знаем. – В голосе Тёркина звучал нечеловеческий холод. – Он точно знает, кого убивать. Он приходил, когда мой создатель умер. Теперь я понял это.

– Когда умер создатель покойного Пьера, был он рядом, – добавила Муму.

– Мы опять возвращаемся к тому, что он знает, кого убивать. Неясно, зачем он убивает.

– Что если он тоже чей-то персонаж, который обозлился

на своего автора и решил избавиться от остальных? – спросил Чацкий. – Я такое в манге читал, «Скитальцы» называется. Там главгад, который Иисус, он башкой поехал...

Остальные посмотрели на него скептически. К манге в компании Книжных червей мало кто относился серьёзно, и большинство считало ребячеством проводить аналогии между сюжетами японских комиксов и их реальными серьёзными проблемами. Саша быстро понял, что его версии мало кого интересуют.

– Нет, почему, – вмешался вдруг Родион, – он действительно может быть чьим-то персонажем, но, возможно, он просто является некоей силой, которая здесь всегда была и которую множество известных людей видело. Или он вообще скачет во времени. Но нам узнать это вряд ли под силу...

– Ну, может, это у него просто такая способность призванного, – сказал Базаров. – Я же тоже могу управлять временем.

– Не похоже, что вы одного пера... – задумчиво проговорил Раскольников.

– Не похоже, чтобы он был одного пера хоть с кем-то из нас, – добавила Марго. – И из них.

– Вам не кажется, что нам нужно сейчас понять не цели Чёрного Человека, а что делать с Виём? – спросил Онегин.

– Отрубим ему голову, и дело с концом, – процитировал реплику Гимли Чацкий.

– Отличный план, – хмыкнул Родион, который ещё не

оправился от косяка с отрубленной головой Панночки. – А если он как Панночка?

– Тогда это действительно проблема, – погрустнел Александр.

– Предлагаю общий рейд на упыря, – сказал Тёркин. – Собираем самых сильных из нас и идём его гасить.

– Подождите, а можно вот с этого момента поподробнее? – вмешался Чичиков. – А чем мы будем силу измерять?

– Сила измеряется в ньютонах! – пояснил Базаров и получил скептические взгляды собравшихся за акт занудства.

– Серьёзно?

– Ну, смотри, – ухмыльнулся Базаров. – Марго, ты, я, Вася – очевидно костяк операции. Способности Родиона мы без причины стараемся не использовать. Это крайние меры и, надеюсь, в этот раз обойдёмся. Саша бесполезен в этот раз. Остап поможет разработать план, но на поле боя толку от него нет. От Муму тоже. Печорин и господин Онегин вызывают у меня много вопросов.

Онегин вскочил.

– Тише, ковбой, – Базаров даже не посмотрел на него. – Как мы поняли о Григории, он может очаровывать женщин и неплохо фехтует. Сомневаюсь, что Вий припас для него шпагу или имеет женские половые признаки. То есть, Печорин, как и Саша, в этой ситуации не очень поможет. А что касается господина Онегина, то я вообще не уверен, что его стоит пускать хоть на какие-либо миссии. Одна встреча с его

дружочком-голубочком, и всё пойдёт к чёрту.

– А кто тебе командовать тут разрешал? – Онегин был в бешенстве.

– Женя, успокойся, – устало проговорила Марго. – Базаров всегда пытается показать, какой он прирождённый лидер, и всегда оказывается в луже. Мы послушаем его и всё равно сделаем, как решат Вася и Муму.

Базаров от этих слов побледнел. Он холодно посмотрел на Марго, смерил презрительным взглядом Онегина, потом демонстративно достал наушники и отключился от разговора.

Родион и Павел практически одновременно сделали фейспалм.

– О, я смотрю, командная работа идёт вовсю, – усмехнулся Чацкий.

– Хоть ты не начинай, – взмолился Онегин.

– Вынужден признать, что Женя прав, – кивнул Остап, – я не уверен, что Гриша, особенно в том состоянии, в котором мы его видели утром, может помочь, а Женя из-за Ленского в большой опасности.

Евгений подозрительно посмотрел на остальных:

– А если вы встретите Владимира... Что... что вы с ним сделаете?

– Убьём, – равнодушно ответил Чичиков. – Этот психопат не похож на того, с кем можно договориться. Силы его мне не понравились особенно.

– Я вам не позволю! – отрезал Женя – Я поговорю с ним,

просто в другой обстановке, я смогу убедить его...

– Ага, нарутотерапию ему устрой: «Саске, вернись в Коноху», и всё такое, – засмеялся Тёркин, и его смех подхватил Чацкий, который тоже смотрел аниме. Остальные шутку не поняли или не оценили.

– Мне плевать на то, что вы тут решите, я буду его защищать! – горячился Онегин.

– От кого, Женя? Я не заметил, что он нуждался в твоей защите, – вмешался Базаров. – Особенно в том моменте, когда он попытался изнасиловать эту твою девочку, как там её...

– Мэл, – мрачно сказал Онегин. Его руки тряслись. Он до сих пор не мог спокойно вспоминать всё то, что они пережили, и думать о том, что могли не пережить. – И ты спокойно наблюдал за тем, что происходило? – До Евгения дошло, что Ангелы Невы действительно не кинулись сломя голову их спасать.

– Да, – Базаров был всё так же безразличен. – Ты, она, Вася, мы – расходный материал. Они могут причинить вред гораздо большему количеству живых людей. И нужно быстро генерировать способы их остановить.

До Онегина дошло окончательно, что их новый друг из Санкт-Петербурга не ценил жизнь вообще.

– То есть, тебе плевать на всех нас?!

– Почти. Цель важнее любого из нас. А мы должны собрать чёртово ожерелье и вернуться по домам, чтобы этот

мир стал нормальным.

Марго и Тёркин выжидали тот момент, когда им придётся разнимать Евгениев. Но, к счастью, Онегин больше ничего не сказал.

– И-итак, – чуть заикаясь, сказал Чичиков. – Я, Вася, Марго, Базаров – отправимся на поиски Вия. Вступим с ним в бой, если... когда потребуется... Остальные будут искать жемчужины, исходя из того, что будет чувствовать Муму.

– Потрясающе!.. – выпалил Онегин.

– Женя. Не гневи судьбу. Действовать нужно быстро. Слаженно.

Марго одобритительно кивнула Онегину. Она понимала, что Евгений мог бы им помочь сейчас, но это было слишком рискованно.

Глава 17

– Он очнулся?! – Оксана, сама только что пришедшая в себя, вскочила из гроба. Ноги ещё плохо слушались её, она сделала несколько неловких шагов к двери и упала.

Анна бросилась к девушке, чтобы помочь ей подняться. Когда Панночка взгляделась в лицо подруги, она увидела чёрную повязку на глазу Даллахан.

– Аня! Анечка! Какая мразь сделала это с тобой?!

Даллахан посмотрела на Панночку, и в голове у той стали появляться воспоминания Даллахан о недавних событиях. Это был один из немногих способов, которыми Анна общалась.

– А Вий? Где он? – продолжала взволнованно расспрашивать Оксана.

Анна сконцентрировалась. Панночка увидела, что существо находится в огромном каменном подвале, бесцельно блуждая по нему. Существо говорило с крысами и пауками, и те покорно кланялись ему и убегали по своим делам.

– Я должна идти к нему! Мой господин ждёт меня! – воскликнула Панночка, пытаясь подняться на ноги.

Каренина покачала головой.

Дверь открылась, и в комнату вошла Элен. Увидев девушек на полу, она кинулась к ним.

– Оксана, как хорошо, что ты очнулась! Как ты, милая?

Анечка позвала меня.

– Элен, я хочу его увидеть. Я заслужила. Отведите, отведите меня к нему! – Панночка перешла на истерические всхлипы.

– Конечно, моя хорошая, я помогу тебе одеться и отвезу нас туда.

– К чёрту одежду, просто поехали. Быстрее. К нему!

Анна мрачно посмотрела на Элен.

«Это их связь по перу?»

«Не думаю. Я чувствую, как её буквально ломает от желания увидеть Вия».

«Отвратительно. Влюблённые женщины отвратительны, Троянская. Мне горько видеть нашу сестру в таком состоянии!»

«Оксана ещё молода, для неё нормально испытывать чувства».

«Я не одобряю».

«Ты боишься потерять подругу из-за того, что она сбежит пусть и не к самому красивому, но к членоносцу?»

«Вы все так делаете. Это ваша натура».

«Аня, не будь такой букой, поедем, поможем Оксане. И пусть их встреча будет судьбоносной. Ведь она заслужила».

Даллахан вздохнула.

Когда девушки дошли до тех подземелий Неглинки, в которые не пускают обычных туристов, Элен ругалась все-

ми мыслимыми и немыслимыми словами. Очередное платье было безнадежно испорчено.

Повернув за угол, девушки почувствовали зловонный запах, напоминающий о тухлой рыбе и разложившемся мясе. Во тьме, припорошённый инеем, стоял Вий. Похожий на огромное несуразное дерево, он стоял неподвижно.

Увидев его, Панночка бросилась навстречу, но когда она переступила некий невидимый барьер, который разбудил хозяина, острые колючие корни стали подниматься из-под земли.

Панночка, всё ещё шатаясь, шла в сторону Вия, отбиваясь от веток и корней.

– Любимый... Любовь моя... Сокровище моё... – с умилением и нежностью бормотала она.

Вдруг полчище летучих мышей набросилось на Оксану. Та вскрикнула. Сначала ей показалось, что это просто жуткое приветствие от её господина, но в следующий момент из-под земли возник острый корень, который впился девушке в ногу.

Первой это заметила Даллахан. Она резко сорвала с шеи ожерелье и подняла свою голову за волосы. Глаза её загорелись зелёным светом.

«Оставь её!»

Но Вий проигнорировал приказ.

Панночка завизжала. Летучие мыши впивались своими острыми зубами в её кожу.

– Хозяин, пощади! – закричала она. – Помогите!

Порыв ветра на несколько секунд отбросил от Панночки летучих мышей. Оксана попыталась обратиться, но ничего не получалось. Вий медленно повернулся к ней. В волосы Панночки вцепилась когтистая рука и отдёрула назад.

Чего Элен терпеть не могла, так это обращения в свою альтернативную уродливую форму. Все герои Толстого, что были призваны в этот мир, имели сущность, о которой не было никакого намёка в произведении. Смерть Толстого, которого прокляли на смертном одре и отлучили от церкви, повлияла на каждого из его персонажей, кого призвали жемчужины. Так Элен, эта прекрасная девушка, превращалась в настоящую упырицу, которая продлевала свою молодость тем, что пила кровь обычных людей. А когда было нужно, оборачивалась в мало похожее на человека существо, которое управляло ветрами.

Элен молниеносно, уворачиваясь от корней, бросилась к Панночке. Та уже задыхалась, корни обвили её тело и ломали ей кости. Элен попыталась сломать ветку, оплетающую шею Панночки, как вдруг один из корней впился в крыло Элен.

А веки Вия поползли вверх, чтобы закончить всю суету... Но тут время словно замерло, и раздался голос:

– Эй, девочки, тише, тише... – Чёрный Человек засмеялся. – Эдак вы маникюр попортите. Вас, кстати, здесь быть не должно.

Чёрный Человек щёлкнул пальцами, и Вий обмяк, а вме-

сте с ним на землю упали и корни. Оксана застонала. Элен оскалилась, глядя на Чёрного Человека, но тот лишь участливо спросил:

– Элен, кто отдавал приказ?

– Какой приказ?! – огрызнулась Троянская.

– По-моему, Панночке нечего здесь делать.

– Что значит «нечего»?! Что вы с ним сделали?! Что вы с ним сделали?! – закричала Оксана и мгновенно расплакалась. Она хотела вскочить и подбежать к своему господину, но тело её не слушалось.

– Ой, да призыв немножечко неудачным вышел, всего-то, – отмахнулся Тень.

– Что? Аня сказала, что всё было нормально, – переводя взгляд с Панночки на Анну, проговорила Элен.

– Аня ошиблась, – отрезал Чёрный Человек. – Вий безумен. Если Панночка хочет его исцелить, пусть отправляется в Одессу и достанет чёртову жемчужину.

– Я служила вам верой и правдой! Почему вы так поступаете?! – рыдала Оксана.

– Я сказал: Вий будет безумен, пока ты хорошенько не потрудишься, чтобы расколдовать своего принца, – голосом существа, начинающего терять терпение, повторил Чёрный Человек.

– Ты лжёшь! – прохрипела Элен.

– Я тебе не давал слова. Ты вместе с Инквизитором вообще должна быть сейчас на подъезде к Питеру. Убирайся,

чтобы я тебя не видел.

Элен посмотрела на Панночку, затем на Аню и на неподвижного Вия, которым, очевидно, мог управлять Чёрный Человек. Вступить в схватку с Чёрным Человеком сейчас было бы крайне опрометчиво.

– Элен? – заботливо спросила Тень, и голос её снова сделался мягким и обволакивающим.

– Слушаюсь, – процедила блондинка.

– Элен, мы... должны... – закричала Оксана.

В этот момент Чёрный Человек достал из-за пазухи красный рубин.

– Так что вы должны, Оксана?

Оксана тоже понимала, что сейчас не в состоянии драться, но и Вия не могла бросить. Патовая ситуация. Словно провинившаяся школьница, девушка выдохнула:

– Должны отправиться домой, чтобы собрать вещи в аэропорт. Чтобы спасти любимого...

– Славно, – расплылся в улыбке Чёрный Человек.

Девушки кое-как побрели к выходу из катакомб, но Каренину Чёрный Человек попросил остаться.

– А что касается тебя, Даллахан... – прошептал он ей на ухо, – не ты одна умеешь насылать кошмары. Не ты одна...

Чёрный Человек ухмыльнулся, погружая девушку в кошмар. И если бы Каренина могла кричать, её крик мог бы обрушить в тот миг своды подземелий.

То, что в новогодние праздники работать было не нужно, на Онегина не распространялось. Иван оставил Жене несколько коротких текстов для перевода, а сам, как обычно, куда-то уехал. И тексты поджидали Онегина дома тяжёлым гнетущим грузом.

Было у Евгения и ещё одно нерешённое дело. С одной стороны, будучи джентльменом, он понимал, что должен поблагодарить одну особу за помощь, ведь, если бы не она, Мэл погибла бы. С другой стороны, Виолетта пугала Евгения своим дерзким и наглым характером, так что общаться с ней лишний раз не очень-то и хотелось. Поразмыслив, чего он хочет больше: работать или ввязаться в авантюру, Стрелок выбрал второе. (Тут надо особо знаки проверить). Затея казалась Онегину вполне безобидной.

Найдя в мобильнике тот самый номер, Женя позвонил, но нарвался на пустые гудки. Он даже выдохнул облегчённо и решил, что такова судьба, но вдруг телефон зазвонил в ответ.

– Ты опять выходишь на связь, педобир? – раздался из трубки бойкий жизнерадостный голос.

– Откуда... – наглый тон девочки вывел Евгения из себя практически моментально.

– Я сохранила твой номер, красавчик. Так чего ты хотел? Евгений попыттел в трубку, борясь с собой, потом всё же произнёс:

– Вообще я хотел поблагодарить тебя за то, что помогла мне тогда найти Мэл.

Виолетта засмеялась.

– Да, по тебе, педобир, было видно, что сам ты не справишься.

– А ты, значит, справишься... – мрачно буркнул Онегин.

– Конечно. И раз хочешь меня поблагодарить, пойдём гулять по центру.

Онегин колебался недолго.

– Ну, пойдём...

– Отлично. Тогда встречаемся на Охотном ряду в семь.

Пока Онегин дожидался Виолетту, он успел несколько раз подумать о том, что затея была идиотской. И он совсем не понимал, о чём будет говорить с Ви и чем парировать каждое оскорбление от девочки.

Виолетта опоздала на полчаса. Онегин в её воображении уже косплеил Джека Николсона из «Сияния» и должен был встретить её не то в сугробе, не то с топором. Но он принял опоздание как данность и даже не стал ничего спрашивать.

Неловких пауз не хотела сама Виолетта, которая немедля взяла бедолагу под руку и пошла в сторону Манежной площади.

– А что мы будем делать там, куда мы идём? – осторожно поинтересовался Онегин.

– Ну, смотри: можно прибить твои яйца к площади, а можно и митинг устроить. Два человека – как раз повод. А потом будем бегать от мусоров.

– Что?.. – Женя был в шоке от таких предложений.

– Расслабься. Гулять идём.

Бравады Виолетты хватило на первые двадцать минут, а потом она перестала изображать из себя крутую и сбавила обороты. И Евгению стало в разы легче с ней общаться. Виолетта рассказывала о себе, своей семье, о том, сколько от неё требуется и как она не хочет этим всем заниматься. Как тяжело жить, когда твои родители богаты и всё решили за тебя. Как здорово бунтовать, но пока родители дают деньги. Евгений совсем не понимал этого поколения. Тема сменялась темой, в основном говорила Ви, но Женя участливо кивал. А потом, наконец, решился:

– На самом деле, ты очень помогла мне и Мэл тогда, – пробурчал Онегин.

– Блин, на самом деле не очень. Вы бы не попали в ту аварию дурацкую, разминулись бы. Тут мой косяк, – сказала девочка.

– Авария... да...

Повисла пауза. Вдали показались Воробьёвы горы.

– Хотя мне кажется, что вы что-то скрываете, – задумчиво добавила Ви.

– Скрываем? Нет, конечно! – пожалуй, чересчур поспешно и взволнованно возразил Онегин.

– Точно скрываете. Когда люди говорят, что не врут, – это стопроцентно ложь... а ты ещё очень странно возник ниоткуда...

– Ну, приехал. Деревня, все дела... – принялся неумело врать Евгений.

– Ага... Ну, судя по рубашкам, которые ты носишь, точно. Безвкусица полнейшая. Клинт Иствуд от смеха бы помер, глядя на тебя в твоём ковбойском облачении.

Женя насупился.

– Ладно, брось. Шучу.

Наконец речь зашла и о «деле всей жизни». Виолетта воодушевлённо рассказывала Онегину про свою книжку, фанфики и планы стать писателем.

– А тебе нравятся писатели? – вдруг поинтересовалась она, и Евгений искренне ответил:

– Терпеть их не могу!

Онегин поморщился. Сейчас он не хотел говорить о писателях и поэтах. Особенно после всего, что случилось с Ленским.

Оставшуюся часть вечера они просто обсуждали игры и фильмы. А под конец Онегин сам вызвался поехать с Ви и проводить её до дома, от чего девочка не отказывалась, ведь, за исключением нелюбви к литературе, компания Онегина её полностью устраивала.

Изначально Евгений думал, что Ви живёт где-то рядом с Мэл, но ошибся: ехать пришлось в Крылатское. То, что обычно Ви живёт у бабушки на Китай-городе, она умолчала и решила навестить родителей. Теперь они стояли возле коттеджа.

Онегин почесал затылок.

– Ну, вот и всё. Я даже проводил тебя до дома.

– И? – выжидающе спросила Виолетта.

– Что значит «и»?! – изумлённо переспросил Онегин.

– Глупый мужик, – вздохнула девочка, закатив глаза.

– Я не...

Но закончить фразу Онегин не успел. Виолетта довольно нагло притянула его к себе за воротник куртки и поцеловала в губы. Онегин несколько секунд ошарашенно стоял, не пытаясь ответить на неумелый девичий поцелуй, а потом понял, каким идиотом он, наверное, выглядит со стороны и, к удивлению Виолетты, ответил.

Когда они смущённо оторвались друг от друга, Виолетта довольно улыбнулась.

– Ну, всё, пока, педобир! – махнула ему рукой девочка и пошла к воротам.

Онегин смотрел ей вслед и глупо улыбался. Для себя он решил, что Мэл об этом инциденте рассказывать не будет. А то мало ли что.

Стрелок брёл к метро, погружённый в свои мысли, и совершенно не замечал чёрной машины, которая всё это время следовала за ним. Когда же Евгений скрылся под землёй, из машины вышел мужчина в строгом сером костюме. Он подкрутил свои усы и сделал звонок.

– Я в городе, и мне кажется, что я только что видел

здесь поблизости Онегина. – Разговаривая, мужчина отошёл в тень. – Как скажешь, но я всё-таки за ним прослежу.

Говоривший постепенно стал сливаться с тенью. Ипполит Матвеевич Воробьянинов не любил затягивать с действиями.

Глава 18

Печорин вошёл в свою квартиру и упал на кровать. Сейчас ему хотелось провести вечер в постели с вкусной едой, сериалом и выключенным телефоном. Но вместо этого сам собой выключился только свет. А потом включился. И замигал. И Печорин понял, что, кажется, дело не в проводке. Григорий не хотел сражений, он уже напрягся и разозлился. Он догадывался, кто пришёл по его душу.

– Так и будешь прятаться, как трус? – раздражённо спросил Печорин.

Чёрный Человек проявился. Он восседал на комод, подбрасывая свой цилиндр до потолка и ловя длинным пальцем.

– Разве так встречают друзей, Григорий? – растягивая слова, насмешливо поинтересовался Чёрный Человек.

– Не помню, чтобы друзей заставляли вскрыть себе горло, – мрачно отозвался Григорий.

– Воспитательная работа. Ты пропал. Мы беспокоились. Вдруг решил присоединиться к нашим противникам?

– Они ещё большие идиоты, чем вы, – презрительно поморщился Печорин.

– Разделяю твоё мнение, Искуситель. Но не заговаривай мне зубы. Ты очень медленно сближаешься с ними.

– Что тебе надо? – начал терять терпение Печорин.

– Видишь ли... На недавнем призыве Вия случилось со-

бытие, которое я не предвидел. Честно.

Печорин хмыкнул.

– Серьёзно, – продолжил Чёрный Человек. – Я планировал избавиться от нашего солдатика и применил рубин. Но кое-кто отменил действие камня. При этом его сила была растрчена.

– Ты говоришь о некоем Евгении Базарове?

– В точку. Этот парень со своим нигилизмом за те годы, что он здесь, порядком мне поднадоел.

– Ну, так убей его, – дёрнул плечом Печорин.

– Это не так-то просто...

– Для тебя? – Печорин встал с кровати и пошёл на кухню в поисках еды. Поставил чайник. Чёрный Человек проявился на столешнице.

– А ты не можешь сидеть на нормальных поверхностях? Убери свою нематериальную жопу с моего стола! – Гриша кинул в Чёрного Человека кухонным ножом, который, долетев до его тела, вошёл в него и тут же пропал.

– Ну, – вздохнул Печорин, – попытаться стоило.

– Боюсь, ни у кого из вас нет возможности даже ранить меня. Так что не суетись. – Нож воткнулся в разделочную доску рядом с Григорием. Тот вздрогнул. – Так вот, Базаров. Он один из тех, кому может подчиняться сила ожерелья, так как его создатель, во-первых, связан с владелицей ожерелья – Варварой Петровной, а во-вторых, я, конечно, не проверял, но не сомневаюсь в некоем очень отдалённом его родстве с

создателем ожерелья...

– Это как? Его отец...

– Это долгая история, мало связанная с этой реальностью.

Не забивай голову, – махнул рукой Чёрный Человек.

– Другие его дети также используют эту силу? Муму, Барыня, Герасим и Кирсанов?

– Верно. Муму я хотел бы иметь удовольствие прикончить собственными руками.

– О, противник прямо тебе под стать. Маленькая собачка против труса, прячущегося в тенях... – издевательски улыбнулся Печорин.

– Соскучился по видениям? – угрожающе-ласково поинтересовался Чёрный Человек.

– Я уже по горло сыт твоей болтовнёй, так что готов даже на них, – отмахнулся Печорин.

– Учту. А пока разузнай всё про силу Базарова. Вынуди его применить её на тебе.

– Ради чего?

Чёрный силуэт приобнял Печорина за плечи.

– Ради свободы... И... – Чёрный Человек нагло растягивал фразу, – как насчёт того, чтобы ты и тот человек из твоих кошмаров получили ту самую возможность... получили способность чувствовать и любить?..

В карих глазах Григория промелькнула тень сомнения.

– Ну, так как тебе моё предложение? – почти шёпотом произнесла тень.

Базаров не любил Москву. Шумная, множество людей, особенно в праздники, кроме того, Евгения неистово раздражали «мракобесы», как он называл верующих, которые готовились к Рождеству.

Очередь в храм Христа Спасителя в сочельник выстроилась на несколько сотен метров. Евгения поражало, как люди тащили детей, стариков, калек, беременных женщин в храм посреди зимы. Да, достаточно тёплой, но простудиться можно всё равно. Вопросы веры вообще раздражали Дока. Ведь сколько было случаев, когда он и его коллеги спасали человеческие жизни, а родственники пациентов ругались с врачами, которые только что спасали их родных, но крестились и благодарили бога, а не «взяточников-медиков». Сам Базаров смирился с такой «благодарностью». Людям очень повезло, что прошла эпоха войн и эпидемий. Евгений с удовольствием посмотрел бы, как люди бегут в больницы вместо храмов в поисках не чуда, а научных истин... Базарова сложно было назвать добрым доктором.

Сейчас он шёл по карте вдоль всех водных каналов города, чтобы попытаться почувствовать местонахождение Вия. Базаров был уверен, что чудовище не могло покинуть центр города, а, значит, и искать его нужно было внутри садового кольца. Будучи педантом и перфекционистом, Евгений мог подметить любую, даже малейшую деталь, и сейчас его взор остановился на воде. На небольшом кусочке реки совершен-

но не было бликов и течения, словно кто-то просто забыл дорисовать их. Док огляделся. Прошёл по набережной взад-вперёд несколько раз, понял, что это не обман зрения.

Он закрыл глаза, представляя, что с течением реки всё нормально.

– Не верю, – прошептал мужчина.

А когда открыл, ничего не поменялось. Наваждения не было, искажение водной поверхности всё ещё было перед ним. Евгений обернулся. Приметил на асфальте замёрзшую лужицу. На льдинках совершенно не было никакого узора.

Затем Док перешёл на другую сторону улицы в поисках похожих луж. Он разглядывал поверхность каждой и шёл по ним в сторону следующей, на которой не было никакого узора. След оборвался неподалёку от Пушкинского музея.

– Проклятье, – пробурчал доктор.

Ему пришлось вернуться. Перейти мост и попытаться найти следы на другой стороне реки. Однако там подобных луж оказалось слишком много, и вели они в разных направлениях.

Тогда Евгений достал из кармана жемчужину, но она даже не засветилась. Значит, то, что оставило такой след, было очень далеко от этого места.

Зазвонили колокола. Полночь. С неба падали пушистые снежинки, погружая Москву в рождественский сон.

Павел Чичиков, Тёркин и Марго сидели у ведьмы на кух-

не. На столе стояла скудная закуска и бутылка водки. В Рождество старый состав Червей поминал тех из них, кто отдал свою книжную жизнь, чтобы достать жемчужины.

Интерлюдия Чичикова

В ворота одного из московских домов, расположенного рядом с известной гостиницей, въехала новенькая машина марки ГАЗ-12, в каких ездят товарищи вроде партийных чиновников. В машине сидел человек – не красавец, но и не дурной наружности, не слишком стар, но уже не слишком молод, не слишком толст, ни слишком тонок. Появление его не вызвало совершенно никакого интереса у соседей или прохожих. Он припарковал машину и скрылся в подъезде. Войдя в свою квартиру он, не соизволив снять обуви, прошёл в дальнюю комнату. На огромном письменном столе лежал портфель, всем своим видом манящий открыть его немедленно.

Человек тяжело вздохнул. Сделал несколько шагов к портфелю. Остановился. Осмотрелся по сторонам. Выбежал из комнаты к входной двери, проверил – заперта ли? После чего подошёл к окнам и закрыл тяжёлые пыльные шторы. Когда же вся квартира погрузилась во тьму и тишину, он включил настольную лампу и, наконец, открыл чемодан. Вытащил бумаги, исчерканные и полуистлевшие, на одной из которых отчётливо разбиралось слово «paradis».

Роман Павлов был коллекционером. Но привлекали его не монеты, не марки, а рукописи и черновики русских классиков. Для получения их он часто пользовался своим высоким партийным положением.

Рукопись, что он держал сейчас в руках, принадлежала Николаю Васильевичу Гоголю. Несколько набросков, черновики, которые доказывали, что поэма «Мёртвые души» задумывалась трёхтомником. И перед коллекционером была, возможно, вся информация о третьей части.

Мужчина вчитывался в каждое слово. С лупой рассматривал каждую закорючку, пытался углядеть между строк стёртые пометки, хоть что-нибудь.

Каждое утро и каждый вечер молчаливо проводил он в компании этих черновиков, пытаясь найти что-то, что сам пока не понимал, но интуитивно стремился.

Когда осенней ночью 20 сентября 1956 года в квартире начался пожар, Роман Павлов спал без задних ног. Вскочил он уже, когда языки пламени перекинулись из кухни в гостиную. Мужчина бросился к книгам. Он открыл окно и начал выбрасывать их на улицу. Неравнодушные прохожие быстро нашли и ковры, и матрасы, чтобы сам мужчина выпрыгнул. Кричали ему, чтобы он бросал книги и спасался, но коллекционер не хотел их слушать.

Он кричал на огонь, нелепо пытаясь прогнать пламя от своих сокровищ, но всё было бесполезно. Мужчина бросился к столу, где лежали рукописи Гоголя, сгрёб их в охапку и, задышавшись, двинулся к окну. Однако каждую ходку за книгами было делать всё сложнее. И в эту, наконец, он окончательно надыхался дыма, в глазах потемнело, и он рухнул на пол,

закрывая своим телом бумаги.

*

Павел Иванович открыл глаза и попытался пошевелиться. Дикая боль пронзила всё его тело. Слёзы невольно потекли из глаз. Он охнул.

В этот момент в палату вошла медсестра.

– Роман Иванович, не шевелитесь, пожалуйста! – воскликнула она, заметив, что пациент пришёл в себя.

Чичиков снова охнул, будто не замечая, что обращались к нему. Вытянул руку, перевязанную бинтами. И тогда медсестра подошла к его койке вплотную.

– Товарищ Павлов, соблюдайте указания докторов. У вас сложные ожоги. Вам нужно пребывать в покое.

– Голубушка, в ожоги я верю, вот только зовут меня Павел Иванович, и никакой не Павлов, а Чичиков.

– Товарищ Павлов, я вызову главврача, с ним и побеседуете. Ошибка, не ошибка, во всём разберёмся. Вы только спокойно лежите, а то потревожите раны.

– А вы не знаете, как так получилось, как я в госпиталь попал?

– Так пожар был. Вытащили вас, и сюда привезла бригада. Вы чудом в живых остались!

– Ясно. Благодарствую, – кивнул Чичиков и вновь охнул от боли.

Положение его и впрямь было плачевно. Всё тело, перемотанное бинтами с головы до ног, болело, а в голове одни

крестьяне, помещики, да уездные города.

До появления главного врача Павел вслушивался в разговоры соседей по палате. Ему казалась странной манера обращения «товарищ», ни про каких «господ» и речи не было, за окном виднелся совсем незнакомый город и слышался шум, который Чичиков не мог объяснить.

Главврач разбудил успевшего задремать Павла.

– Роман Иванович, ну давайте обсудим, что тут у нас. Вот ведь удивительный вы человек, войну прошли – и ни единой царапинки, а тут в пожаре так пострадали...

Чичиков пытался вспомнить, какую именно войну и где он проходил, но в памяти были только пробелы.

– Да говорю же: я Павел Иванович Чичиков. Никакой не Роман Иванович Павлов. Послушайте меня!..

Мужчина обеспокоенно зацокал языком.

– Надо бы вас ещё на травмы головы проверить, товарищ Павлов. Вы что помните последнее?

– Ну, помещиков... – неуверенно проговорил Чичиков и услышал смех.

– Ну, помещиков и прочих буржуев мы все видим в гробу в белых тапочках и помним, что товарищ Маркс завещал нам. А до этого?

Чичиков насупился. Вести разговор было бесполезно, мужчина почему-то ему не верил. И вряд ли поверит в дальнейшем. Ещё, чего доброго, усомнится в психическом здоровье пациента, этого только не хватало... Так что Павел

Иванович благоразумно сменил тему разговора.

– А, вот, уважаемый, мне же читать можно?

– Скоро можно будет, – благодушно кивнул доктор, видимо, обрадованный тем, что подопечный его перестал упорствовать в своём заблуждении и вещать про помещиков.

– А не сочтите за дерзость, могу ли я вас попросить принести мне Маркса перечитать. А то и впрямь не помню уже многого...

– Это можно. Даже нужно. Вам тут ещё недели две куковать, так что, вон, Маруську попрошу, она на смену пойдёт, занесёт.

– Маруську?

– Дочка моя. Медсестрой тут трудится, – улыбаясь, пояснил доктор.

*

Следующую неделю Павел Иванович провёл за чтением трудов Карла Маркса, которые ему любезно принесли. С Марусей тоже перебрасывался историями. Она в основном рассказывала фронтовые байки, из которых Чичиков узнал о страшной войне и о времени, в котором он почему-то очнулся. С тем, что его называют Романом, даже как-то смирился. Решил, что и впрямь, наверное, он головой стукнулся и рассудком оттого слегка повредился. Однако фамилию «Чичиков» записал. Вдруг удасться в какой-нибудь местной библиотеке на досуге вызнать, откуда она взялась у него в голове.

Когда время его пребывания в больнице закончилось, он уточнил адрес, по которому проживал, и отправился туда.

Сама квартира его теперь являла собой жалкое зрелище. Всё было покрыто толстым слоем копоти. Обгорелые обои свисали со стен. Пол представлял собой толстый слой угля, который когда-то был паркетом. В одной из комнат стоял обгоревший остов дивана. Чичиков прошёлся по комнате и плюхнулся на этот диван, растерянно оглядываясь по сторонам.

– Это надо же как-то теперь тут восстанавливать всё... – только и смог пробормотать он.

В этот самый момент в дверной косяк постучали.

– Войдите! – крикнул Чичиков, вспомнив, что не запирает дверь.

В комнату вошла женщина лет пятидесяти, в очках и с пучком на голове.

– Роман Иванович, горе-то какое!.. – тут же запричитала она. – Ну, ничего, родненький, отстроитесь ещё...

– Отстроюсь... – машинально прошептал Чичиков. – Я, простите, головой ударился, ваше имя запомнил...

– Галина Валерьевна я, соседка ваша. Беда, Роман Иванович, беда. Но вы не переживайте, мы зевак отогнали, ваши книжки драгоценные собрали... Вы же из-за книжек так пострадали, спасли мы то, что вы из окон выбрасывали.

– Правда? – воодушевился Павел Иванович. – Вот спасибо, Галина Валерьевна! Какие добрые вы люди, вечный вам

должник...

– Вы не переживайте, в следующий раз обсудим это. А пока я управдому о вашем возвращении сообщила, мы тут решили помочь вам – кто чем может. С уборкой там, может, вещи какие отскребём...

Павел Иванович был поражён такой отзывчивостью людей, которые и с уборкой жилища ему помогли, и часть имущества его сохранили, да ещё и вещей надавали взамен сгоревших.

Однако в первую же ночёвку в этой квартире Павлу стало не по себе. Ему показалось, будто застрял он между сном и явью, а какая-то сущность пытается откусить ему пальцы. Павел всмотрелся в темноту и разглядел скрюченный силуэт существа с выпавшими зубами и шершавым языком. Существо это с причмокиваниями, будто леденец, обсасывало руку Чичикова. Павел попытался вырваться, но ничего не помогло. Тогда он начал читать молитву, что, похоже, ещё больше разозлило сущность. Чичиков постарался вывернуться из лап существа и пополз к выходу. Существо двинулось за ним. Павел продолжал читать молитву, как вдруг увидел сверкнувший на полу камешек. Он светился в темноте. Что-то подсказывало Чичикову немедленно взять камень и бросить его в преследователя. Что, собственно, Павел Иванович и сделал. Бестелесный дух закричал.

– Отдай! Это моё! Моё тело! Отдай мне моё тело! –

закричал дух.

Павел Петрович оглядел себя.

– Стой! Я не вор! Я не знаю, как оказался в твоём теле. Оно мне моим не кажется! – крикнул Павел, но вдруг понял, что не услышал собственного голоса, а будто бы мысленно произнёс это духу.

– Вреши, паскуда! Тело моё отдай! Рукописи мои отдай!

– Какие?

– «Мёртвые души»! «Мёртвые души» мои отдай! Отдай! – кричал дух.

Павел Иванович собрался с силами.

– Как мне отдать тебе их?

– Забери! Забери! И в огонь! В большой огонь! – завыл дух.

Павел Иванович понятия не имел, о каких мёртвых душах говорит существо из сна, но на всякий случай и это записал угольком на стене.

Следующий день Павел Иванович посвятил разбору книг и рукописей, которые забрал по соседям.

Ничего про мёртвые души в них не было. В тот же день произошёл ещё один визит. Это был малопримечательный гражданин в сером пальто и шляпе. По его словам, он работал с Романом Ивановичем, и сейчас расследовал дело. Уж очень подозрительным казался мужчине этот пожар.

Сам Чичиков стал понимать, что он не знает, как отвечать на вопросы визитёра. С каждым ответом он всё больше зарывался, до тех пор, пока не заметил в углу того са-

мого господина, который пытался сожрать его ночью. Господин недовольно фыркнул. Чичиков взмолился, мысленно обращаясь к бестелесному духу, и, к своему удивлению, получил ответ.

– У меня нет секретов от партии. Просто я ударился головой и сейчас мне трудно вспомнить всё, о чём вы меня спрашиваете, – проговорил Чичиков.

– Тут несложно, товарищ. Вы владели драгоценными камнями, которые вам не принадлежат.

Чичиков вновь обратился к духу.

– Камни были переданы в отдел до пожара. Проверьте.

Серый мужчина записал всё в свой блокнот и вскоре покинул квартиру. После этого дух сразу засуетился:

– Идиот. Собирай рукописи, камни и уезжай.

– Объясните, что происходит, Роман Иванович? – взмолился Чичиков.

– Я собирал не только старинные рукописи, но ещё ряд... вещей. В основном они все были связаны с одним человеком, изучению его жизни я посвятил многие годы. И потратил бы оставшиеся, если бы ты покинул моё тело!

– Я не знаю, как я тут очутился. Но меня зовут Павел Иванович Чичиков. Я здесь случайно...

Дух рассмеялся.

– Не смеши. Ты называешь себя именем героя книги. Как такое возможно?

– Я понятия не имею, но если, Роман Иванович, вы ска-

жете мне, что прочитать, я прочитаю.

– «Мёртвые души» читай, увалень, – гневно произнёс дух. – Но не сейчас, собирай вещи и беги отсюда. Машину бери, уезжай.

– Машину?

– Действительно, ты и водить-то не умеешь... Собирай вещи. Поедем отсюда.

– Но куда?

– На дачу, там затаимся, – сказал дух. – Иди в санузел, сними решётку с вытяжки. Там шкатулка. Бери её.

Чичиков отправился в ванную комнату и там под потолком обнаружил вытяжку. Встав ногами на унитаз, он поддел ногтями вентиляционную решётку. За ней лежала небольшая деревянная шкатулка, в которой были драгоценные камни. И один из них – жемчужина – светился особенно ярко.

– Бери шкатулку, бери рукописи и уходи, – процедил дух.

Павел Иванович начал собираться, как вдруг услышал скрип половиц. Нетрудно было догадаться, что серый мужчина вернулся, да ещё и с компанией.

– Роман Иванович, вы обвиняетесь в шпионаже, государственной измене и хищении государственного имущества. В связи с этим вы будете арестованы.

Павел Иванович только успел открыть рот. Дух, стоящий рядом, выругался.

Роман Иванович Павлов действительно пользовался сво-

им высоким положением для того, чтобы расширять свою коллекцию. Не чурался он и общения с иностранцами в поисках людей, которые уехали из страны и увезли с собой вещи и рукописи, принадлежавшие некогда Николаю Васильевичу Гоголю. Роман Иванович был одержим этим автором, считал себя его дальним родственником и старался окружить себя вещами своего кумира. Однако за этими его странностями всегда наблюдали. И особенно люди, которым Роман Иванович не угодил. И мешался.

– Перестань дышать! Перестань дышать! Перестань дышать! – вдруг раздался в прихожей женский голос, и мужчины, которые пришли арестовывать Павлова-Чичикова, рухнули на пол, как мешки с картошкой.

– Вы двое, берите вещи и идите за мной. – Женщина в шинели и красном платке кивнула Чичикову, который понял, что она видит и его, и бывшего владельца тела. Павел, не задумываясь, подобрал своё имущество и проследовал за женщиной. Дух последовал его примеру.

– Ты бы попросил её, чтобы она нас так не положила, – прошептал ужаснувшийся дух.

– Не положу. К тому же, они живы. Только память немножечко стёрта, – ухмыльнулась женщина.

Во дворе дома стояла чёрная машина. Женщина кивнула Павлу. Тот покорно проследовал в салон автомобиля, и дух Романа Ивановича – следом за ним.

Машина выехала за пределы Москвы. Всю дорогу собравшаяся компания молчала, пока не доехала до небольшой, практически заброшенной деревеньки возле железной дороги.

– Где мы? – не смог сдержать любопытства Чичиков.

– В Быкасово, – коротко ответила так и не назвавшая себя спасительница. – Выходите.

Когда Чичиков-Павлов вылез из машины, он, наконец, смог разглядеть водителя. Это был полноватый мужчина в очках, одетый в тёмную куртку и кепку. Шея его была завязана белым шарфом.

– Не пытайтесь сбежать, господин Чичиков, и вы, товарищ Павлов, тоже не старайтесь, – добродушно сказал он. – Я знаю наперёд всё, что вы планируете.

– Могу ли я попросить вас представиться? – поражённый этим откровением, осторожно поинтересовался Павел Иванович.

– Ах да, прошу меня извинить. В этой варварской эпохе я растерял все манеры. Меня зовут Пьер Безухов. А это госпожа Солоха.

Дух Романа Ивановича рассмеялся:

– То есть, ты не единственный дурной здесь. Вон ещё называют себя именами книжных героев.

– Книжных? – растерянно переспросил Чичиков.

Солоха и Пьер заулыбались и переглянулись. Павлу Ивановичу предстояло ещё много узнать о своей новой жизни.

*

День сменялся днём. Книжные Черви, так эти ребята себя называли, радушно приняли Павла Ивановича. Солоха обучала его магии, Пьер – как выживать в этом обществе, Роман Иванович был в таком восторге оттого, что мог наблюдать за жизнью своих любимых героев, что не особо стремился уходить в мир иной и дал Солохе честное слово, что разрешит упокоить себя через год. Его ресурсы пригодились команде. С такими деньгами можно было осесть в глубинке и переждать несколько лет, пока о Павлове-Чичикове не забудут совсем.

Всеми связями с общественностью занималась милая девушка Соня, худенькая голубоглазая блондинка. Соня редко приезжала к Солохе. Большую часть времени она вместе с Муму жила в Санкт-Петербурге, где продолжала поиски других героев и жемчужин.

Ещё реже Чичиков видел другую девушку, смуглую черноглазую Наташу. Она была одного пера с Пьером, но после гибели своего возлюбленного сильно разочаровалась в идее собрать ожерелье и вернуться обратно. Всё, что её занимало теперь, – это мстить Непримирым, от которой её тщетно пытались удержать Солоха и Пьер.

*

Чичиков собственными глазами видел то, как Книжных Червей становилось всё меньше и меньше. Встречи с Непримирыми с каждым годом случались всё чаще. Казалось,

что жемчужины призывали только героев, желающих изменить свою судьбу. А в рядах тех, кто принимал свою судьбу такой, какой она была им дарована создателем, пополнений практически не было.

Сначала при загадочных обстоятельствах погибла Наташа. Павел и Солоха не смогли отыскать ни её тела, ни хоть каких-то следов того, что с ней произошло. Ещё через десять лет в неизвестность канул Пьер, который погиб в поединке с одним из Непримиримых – Григорием Мелеховым. Именно тогда все – и Книжные Черви, и Непримиримые – поняли, что происходит, если слишком много героев одной книги погибает. Книга перестаёт нравиться читателям, и её стараются забыть. Ценой этого знания стала смерть Пьера, Андрея и Наташи.

После смерти Пьера Книжных Червей возглавил Павел. А Солоха, Соня и Муму помогли в поисках других призванных, коих с конца 1980-х стало появляться всё больше и больше.

*

Павел сидел в гостинице. Он не был в Москве десять лет. Солоха стояла возле окна и бесцеремонно курила, несмотря на все возражения сидящей в сумке Муму.

– Чего ты ожидаешь от возвращения, а, Некромант? – насмешливо поинтересовалась ведьма, выдыхая дым.

– Хоть какую-то надежду, что наши смерти прекратятся и мы найдём чёртово ожерелье, – вздохнул в ответ Чичиков.

– Ну, – Солоха ухмыльнулась, – я неплохо тебя обучила, так что, полагаю, при нашем нынешнем составе Непримиримым придётся сильно попотеть, чтобы избавиться от нас.

– Так значит, мне называть вас своим учителем? – Павел подошёл к Солохе и взял её за руку. А через секунду отдёргнул пальцы, почувствовав, что его будто ошпарило очередным заклинанием ведьмы.

– Всё ещё недостаточно хороший ученик, – сказала женщина.

Ключ в замке провернулся. В комнату вошла коротко стриженная голубоглазая блондинка. Сонечка.

– Муму была права. Я нашла его. Ещё одного призванного, – с порога выпалила она.

– Где? – обернулась к ней Солоха.

– На Белорусской. Солдат. Милостыню просит.

Конец интерлюдии

Воспоминания превращались в сон. Чичиков видел во сне своих старых друзей, до того, как они все погибли.

Вернувшийся Базаров разом нарушил всю ламповость по-сиделок наведением суеты.

– Предположительно, я его нашёл, – с ходу сообщил он.

Посапывающий в углу Чичиков мигом проснулся от этой новости.

– Где? – взволнованно спросил он.

– Вий прячется в канализации. Не могу сказать, что знаю конкретно место, но подозреваю, что в пределах Садового кольца.

– То есть, ты предлагаешь лезть в канализацию, чтобы поймать это чудовище? – надеясь на отрицательный ответ, спросила Марго.

– Типа того, – кивнул Базаров.

– Женя, давай мы совершим столь непростой подвиг хотя бы не сегодня!.. – взмолился Тёркин.

Базаров пожал плечами.

– А где остальные? – сменил тему Док.

– Гуляют, – пожал плечами Чичиков.

– Тогда соберёмся утром и поговорим. Отправьте им мес-

сидж, чтобы завтра были наготове. А я спать, – буркнул Базаров и направился в комнату, в которой остановились Раскольников и Чацкий.

– Здесь? – удивлённо спросила Марго.

– Одну ночь, добрая хозяйюшка, ты меня потерпишь. – Евгений и сам был не рад ночевать в этой квартире, но мотаться сейчас по городу ему хотелось ещё меньше. Он бесцеремонно подошёл к столу, налил себе стопку водки, выпил и направился спать.

– Э, нет, уважаемый... – кинул вслед Тёркин. – Раз уж ты учуял его сейчас, сейчас и отправимся. Нечего ждать. Кто знает, что это чудовище устроит?

– Вася! – Марго явно не нравился план идти куда-то в ночь.

– Вынужден согласиться с Василием, – встрял в разговор окончательно проснувшийся Чичиков. – Пойдём сейчас. За нами не увяжутся Родя и остальные. Не будет лишних скандалов. Предупредим Осю и в путь. Вчетвером справимся.

Базаров почесал голову, после чего налил себе ещё стопку водки, достал из рюкзака банку энергетика и запил.

– О, сразу видно: доктор. Какое беспокойство о своём здоровье: синьку с кофеином мешать. Ух, аж дух захватывает, – съязвила Марго.

Базаров в очередной раз проигнорировал подколку.

– Ну, хорошо. Тогда в путь.

Когда Остап прочитал сообщение от Тёркина, дозвониться до кого-либо из компании уже не представлялось возможным. Раскольников тоже не отвечал, а от Чацкого сейчас было бы мало толку. Остап не понимал, кто предложил такую гениальную идею: отправиться на охоту на Вия вчетвером и без плана, но вот сам Остап планировал придушить этого умника лично.

Словно интуиция подсказывала Остапу, что охотиться на Вия сегодня было самоубийством и операцию нужно было немедленно останавливать. Проклиная всё на свете, Бендер дозвонился Онегину и объяснил, что сейчас не лучшее время для охоты на Вия и нужно отыскать команду. Жене только и оставалось, что согласился на новую авантюру.

Марго, Чичиков, Тёркин и Базаров бродили по подземной Москве второй час. Чичиков и Марго явно потеряли всякий настрой на поиски Вия, зато Базарова и Тёркина было не остановить. Они носились по подземке со светящимися жемчужинами в руках в надежде, что хоть где-нибудь заискрит. Но с каждой пройденной сотней метров они получали одну и ту же картину. Следов Вия нигде не было.

Вскоре и Тёркин начал зевать и медлить в своих реакциях и рассуждениях. И только Базаров всё так же рьяно пытался найти чудовище.

– Так, ну хватит, – скомандовала Марго. – Давайте сворачивать эту миссию, господа. Женя, Москва огромная, мы

можем лазить здесь бесконечно!

– Значит, я потрачу своё время так, – буркнул Базаров. Признать, что он просчитался, Док категорически не хотел.

– Ты серьёзно собираешься здесь остаться и слоняться по канализации, пока не отыщешь его? – Чичиков поморщился.

– Я не верю, что мы его просто так упустили. Я направлюсь по каналам вверх. Времени у меня вагон.

– Отлично ты отпуск решил провести, – попытался пошутить Тёркин, но никто из собравшихся был не в силах оценить шутку.

Марго, уставшая от всего этого балагана, бросила ключи Чичикову.

– Я на работу, потом домой, а вы сразу домой. А Док пусть приключается сколько ему угодно. Я уже здесь довольно нагулялась, чтобы понять, что тут ничего нет. Хочет проверять – пожалуйста. Взрослый мальчик, сам справится.

Чичиков и сам устал.

– Господа, Марго права, пойдёмте домой, – сказал он.

– Идите, я ещё поищу, – махнул им Базаров.

Переспорить его было, похоже, невозможно.

Когда Бендер и Онегин встретились на Бауманке, Остап с удивлением обнаружил там ещё и Печорина, поджидающего их возле метро. Григория опознали не сразу: без своего плаща и белых шмоток он переставал выделяться из толпы.

– Я его позвал. Решил, что он уже может не отлынивать от работы, – добродушно сказал Онегин.

– Жуть как люблю лазить по всяким канализациям, просто в восторге, – сыронизировал Гриша.

– Я хрен знает, на кой они сегодня туда полезли за Виём, но я считаю, что это не самое лучшее время и идея. Нужно было план придумать, решить всё обстоятельно...

– Угу, меня в план посвятить, – не унимался Печорин.

Остап понимал, что Онегин, скорее всего, рассказал Грише о том, что Ангелы Невы не слишком доверяют их кандидатурам, но сейчас не было времени обсуждать личные приязни и неприязни.

– Господа присяжные заседатели, к делу, – Остап отодвинул крышку люка.

– Великий комбинатор, – поинтересовался Онегин, – а почему мы должны искать именно здесь?

– Потому что Тёркин отправил точку, с которой они стартуют. Да и Чечёра максимально близка к Комсомольской, и имеет разветвлённую сеть подземелий. Я с диггерами общался, так что тут уже лазил.

– Ну, это внушает доверие, – процедил Онегин. – Может, хотя бы здесь нас не попытаются убить.

– Это вряд ли, – усмехнулся Печорин и первый начал спускаться по ступенькам. За ним следом спустились уже Остап и Женя.

– Так, ну дышать здесь можно, – победоносно заявил Оне-

гин.

– Но не нужно, – закашлялся Печорин.

– А как ты собираешься искать их? – спросил Онегин.

– А вот так! Марго! Солдат! Док! Кто-нибудь! – крикнул

Остап вглубь тоннеля.

Печорину стало не по себе и он быстро заткнул Бендеру рот.

– Ты с ума сошёл?! А более продуманного плана у тебя нет? А если Вий здесь?!

– Да нет здесь никакого Вия, – успокоил собравшихся Остап. – Прогуляемся несколько кружочков да вернёмся.

Онегин и Печорин пожали плечами. Больше всего во всей этой ситуации Онегин переживал, что его мобильник здесь не работает. Он как раз собирался сделать один звонок личного характера или даже ждал этот самый звонок, но, похоже, само мироздание было против его и так сомнительного счастья...

Родион в этот вечер сидел в стейкхаусе на Лубянке и наблюдал из окна за группой музыкантов, которые сначала играли очередной кавер на «Ночных снайперов», а затем от рока русского перешли на зарубежный и с чудовищным акцентом, достойным американских клюквенных фильмов про Россию, пели не то Linkin Park, не то Skillet: всё было на один манер.

В перерывах между песнями выходил их басист и читал

стихи. Родион не понимал что, но что-то в этом паренёчке ему определённо не нравилось. Раскольников заметил эту группу ещё на Новослободской, но затем они переместились. Жемчужина на этих ребят никак не реагировала, но сама их энергетика показалась Родиону знакомой.

Вдруг к Раскольникову подошёл официант и поставил на стол бутылку шампанского. Родион непонимающе посмотрел на него.

– Это подарок от заведения, – пояснил тот.

Нетрудно было догадаться, что абы кому и просто так ничего не достаётся на халяву. Через несколько минут Родиона отвлекли от слежки: напротив него бесцеремонно плюхнулся вызывающе красивый блондин в яркой толстовке и принялся открывать шампанское.

– И как это понимать? – тихо спросил Раскольников.

– Это заведение принадлежит моей сестре. Ты же не думал, что останешься незамеченным? – ухмыльнулся парень.

– По правде говоря, я здесь действительно случайно. Странно, что ты меня ещё не отравил, Анатоль.

Курагин усмехнулся и разлил по бокалам шампанское.

– Нет настроения. К тому же, это не пойдёт на пользу репутации ресторана.

– Так что тебе нужно? – подозрительно прищурился Раскольников, даже не думая притрагиваться к своему бокалу.

– Жемчужины. Передайте часть своей коллекции нам, и гарантирую: вас отпустят обратно в ваши миры. У него есть

такая власть.

– Буквально пару недель назад ты не был настолько стогорчивым. Кто-то из наших отбил тебе голову? – едко поинтересовался Родион. Краем глаза он заметил, что группа музыкантов уже свернула. Слежка провалилась.

– Может быть, даже ты. Но. Ты же понимаешь, что из всей компании мы с сестрой – персоны, наиболее заинтересованные в том, чтобы это нелепое противостояние поскорее закончилось?

– Анатоль, свали, – отмахнулся уже начинающий скучать Родион. – Я хочу спокойно поесть.

– Уверен, что тебе стоит есть этот стейк? – поддразнил Раскольников Курагин.

– Уверен. Сам же сказал, что печёшься о репутации заведения. А если кто-то узнает, что в ресторане в центре Москвы свинина имеет подозрительно сладковатый вкус, боюсь, у тебя будут проблемы с Роспотребнадзором.

Анатоль усмехнулся и вновь выпил, оскалив белоснежные клыки. Действительно, после призыва пища, которую приходилось потреблять ему и его сестре, частично отличалась от общечеловеческой. Но, с другой стороны, не настолько, чтобы он, сверкая клыками, попивал здесь кровь, замаскированную под кровавую Мери.

– Как там Панночка? Не реанимировали ещё? – как бы между прочим поинтересовался Раскольников.

– В процессе. Элен очень печётся о ней. А почему тебя

это волнует?

– Прикидываю, когда вы в следующий раз доставите нашим проблем.

– В любой момент, – довольно усмехнулся Анатоль. – Родион, и всё же, подумай. В нашей власти даже вернуть твою дорогую Сонечку...

Комок подступил к горлу Раскольникову, и ему стоило чудовищного усилия воли не перевернуть стол и не начать сражение с Курагиным прямо здесь.

– Полагаю, она не сильно хотела быть в этом мире. Как и я. – Родион залпом допил своё пиво и стал собираться.

Анатоль молча остался сидеть, провожая взглядом наспех одевающегося Родиона. Конечно же, встреча не была случайной. То, что Раскольников следит за одним юным музыкантом, Непримириные заметили уже некоторое время назад и приняли все возможные меры, чтобы слежка провалилась, а Раскольников так ничего и не заподозрил.

Сам же Родион ещё какое-то время бродил по улицам, прогуливаясь пешком до Бауманской, пока, к своему удивлению, не увидел, как трое мужчин посреди ночи влезают в канализацию. И один из голосов показался Раскольникову слишком знакомым...

Часы показывали 02:48. Вся троица уже забила на то, что в подземельях мог оказаться Вий, и просто гуляла, рассказывая байки. Остап пересказывал то, что знал от диггеров:

про тайные символы, иероглифы на стенах московских подземелий и то, чем это всё может быть на самом деле. Григорий периодически предлагал вылезти наверх и найти пива. А Онегин просил просто вернуться. И это было бы реально, если бы только в какой-то момент сам Бендер не заблудился. Они неоднократно дали крюк, не различая кирпичных стен, и теперь уже искали хоть какой-нибудь люк наверх. Поиски другой части команды обернулись тем, что искать нужно было уже самих спасателей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.